This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07050563 5

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

7893326

Собраніе лучшихъ русскихъ произведеній

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ

СБОРНИКЪ
РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ПѢСЕНЪ
И СТИХОТВОРЕНІЙ

Vor Sonnenaufgang — Avant le lever du soleil

БЕРЛИНЪ. Charlottenstr. 3. BERLIN SW.
Изданіе Гуго Штейница. Hugo Steinitz Verlag.
1906. 1906.

Digitized by Google

Часть 123 Мар. 3 —

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи

Изданіе Гуго Штейница, Берлинъ, Шарлоттенштр. 2.

Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenstr. 2.

1.	**Шидарь**, Нравственныя задачи XX-го вѣка (Moralische Aufgaben)	1,50 Мар.
2.	**Л. Н. Толстой**, Письмо къ Поляку (Polen-Briefe)	—,60 „
3.	—, Разумъ (Vernunft, Glaube)	—,80 „
4.	—, Не воюй (Kämpfe nicht)	—,80 „
5.	—, Палкинъ (Palkin)	—,80 „
6.	—, Патріотизмъ или миръ? (Patriotismus)	—,80 „
7.	—, Плоды просвѣщенія (Früchte)	1,— „
8.	—, Крестникъ (Patenkind)	1,— „
9.	—, Мысли о Богѣ (Gedanken)	1,20 „
10.	—, Рабство нашего времени (Sklaverei)	1,50 „
11.	—, О смыслѣ жизни (Sinn des Lebens)	1,50 „
12.	—, Христіанство (Christentum)	2,— „
13.	—, Половой вопросъ (Sexuelle Frage)	2,— „
14.	—, Воскресеніе (Auferstehung)	3,50 „
16.	**Б. Чичеринъ**, Польскій и еврейскій вопросы (Polnische und jüdische Frage)	1,— „
17.	**М. Горькій**, Запрещенное (Verbotenes)	1,— „
18.	**Толстой и Святѣйшій Синодъ** (Tolstoi und Synod)	1,50 „
19.	***, Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія (Russland am Vorabend)	2,— „
20.	***, Послѣднія революц. событія (Ereignisse)	2,— „
21.	**Н. Т.**, Тайны зимняго дворца (Geheimnisse)	4,— „
22.	**М. Горькій, Л. Н. Толстой и др.**, На злобу дня (Gorki, Tolstoi etc., Tagesfrage)	1,— „
23.	***, Жизнь и ученіе Магомеда (Mohamed)	2,— „
24.	**Л. Н. Толстой**, Письма о его ученіи (Tolstoi Lehre)	1,— „
25.	—, Единственное средство (Einzige Mittel)	1,— „
26.	—, Крейцерова соната (Kreutzersonate)	1,50 „
27.	—, Исповѣдь (Beichte)	3,— „
28.	—, Въ чемъ моя вѣра? (Glaube)	4,— „
29.	***, Изъ револ. русск. литерат. (Revol. Literatur I)	3,— „
30.	**Л. Н. Толстой**, О войнѣ и военномъ дѣлѣ (Kriegswerk)	1,50 „
31.	—, Что такое религія (Religion)	2,— „
32.	**А. Амфитеатровъ**, Господа Обмановы (Obmanow)	1,— „
33.	**Л. Н. Толстой**, Мысли о воспитаніи (Erziehung)	1,20 „
34.	Карповичъ и Балмашевъ передъ судомъ (Karpowicz)	1,— „
35.	Л. Н. Толстой въ Духоборцами (Sendschreiben)	1,— „
36.	**А. А. Волконштейнъ**, 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости (Schlüsselburger Festung)	2,— „
37.	Декабристы (Dekabristen)	1,— „
38.	**Л. Н. Толстой и А. Герценъ**, О насиліи (Gewaltthätigk.)	1,— „
39.	**Пушкинъ, Лермонтовъ и др.**, Революціонныя стихотворенія (Revolutionäre Gedichte)	1,20 „

Digitized by Google

Передъ разсвѣтомъ.

Pered
*QDH

Digitized by Google

Digitized by Google

ПЕРЕДЪ

РАЗСВѢТОМЪ.

СБОРНИКЪ

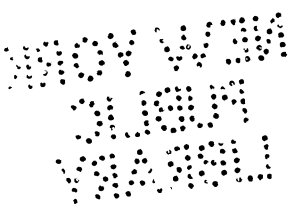
РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ПѢСЕНЪ
И СТИХОТВОРЕНІЙ.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
739326
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L



Digitized by Google

Оглавленіе.

Гусляръ. — Скитальца 9
Все для дѣла. — (Изъ Вильяма Мориса) . . 12
Душно! Безъ счастья и воли . . . — Н. Некрасова 15
Апостолъ 15
Я слышу звукъ его рѣчей . . . — Данина . . 18
Не скорбнымъ, безсильнымъ, остывшимъ бойцамъ . . . — Тана 20
Пѣсня соціалистовъ 22
Смѣло, товарищи, въ ногу . . . — Л. Радина . 23
Красное знамя 25
Варшавянка 26
Пѣснь пролетаріевъ 28
Интернаціоналъ 30
Боже, царя храни! 32
На смерть Мезенцева. — Ольхина 33
Лѣсъ рубятъ 41
Призраки ночи. — (Изъ Патрика Виллоугуби) 42
„Смолкли честные, доблестно павшіе . . .“ — Н. Некрасова 43

Digitized by Google

„Онъ скованъ былъ. Металъ его цѣпей . . .“ . 44
Видѣнія. — П. Я. 45
Матери. — П. Я. 47
Матери. — П. Я. 48
Пѣсня студентовъ 49
Дубинушка 49
Пророкъ. — Н. Некрасова 52
Памяти Н. Чернышевскаго 52
Колыбельная пѣсня 55
Реакціи дикой свирѣпый поборникъ 57
Арестованъ! — Ворвались ночью гурьбой . . . 58
Вѣтеръ 59
Пѣсни узниковъ. — М. 60
Пускай горька неволи чаша . . . — В. П—ва. . 61
Намъ выпало счастье. — В. Фигнеръ 62
Зимой. — Н. Морозова 62
Друзья. — Н. Морозова. 63
Погибшимъ борцамъ. — В. Фигнеръ 65
Къ другу въ заточеніи. — Н. Морозова 65
Что ты, бѣдное сердце, тоскуешь? . . . — С. Иванова 66
Утрата 67
Арестантъ. — Н. Огарева 72
Къ арестанту 73
Слуша—ай. — М. И. Михайлова 76
Пѣсни о волѣ 78
По выходѣ изъ тюрьмы. — Слесаря 81
„Милый другъ, я умираю . . .“ — Н. Добролюбова 82
Завѣщаніе 83
Могила бойца. — (Изъ Петефи) 85

Digitized by Google

Памяти друга. — М. Андрійко 85
Послѣднее прости 87
Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой 89
Два стана 90
Ткачи. — (Изъ Гейне) 92
Пѣсня о рубашкѣ. — Томаса Гуда 93
„Вольный рабочій“ 97
Батракъ. — (Изъ Маріи Коннопницкой) . . 98
Въ память іюньскихъ дней 1848 г. 101
Какъ король шелъ на войну 103
Дума 104
Въ голодный годъ 105
1902-ой годъ 107
Ужъ ты доля, моя доля 110
Пѣснь рабочихъ. — Н. И. 111
Восемь часовъ. — П. Я. 115
На почтѣ. — А. Барыковой 116
Опять предо мной мелькаютъ вереницей . . . 118
Братья-рабочіе, пасынки счастія, — 119
Плачъ дѣтей. — Н. Некрасова 121
Жалоба работницы 123
Петру Алексѣеву. — Вербовчанина 124
Ночью въ мастерской 128
Точно кольца проклятаго змѣя 131
Машинушка 136
Снова я слышу родную „лучину“ 140
Смѣлѣй, друзья, идемъ впередъ 141
Камаринская 142
Гласъ Божій 146
Сказка о попѣ и чертѣ 148
Прочь съ дороги. — Днѣпровскаго 152

Digitized by Google

Нѣтъ, не почилъ на вѣки онъ духовно. — М. Андрійко 154
Впередъ 155
Рабочая пѣсня 157
Кончается царство постылой зимы 159
Подымайтесь, весенніе всходы 161
Еще о соколѣ. — Д. Вольнаго 163
Пѣсня о Буревѣстникѣ. — М. Горькаго . . . 166
Первое мая 169
Первое мая 170
Демонстрація. — Рядового 173

Digitized by Google

Гусляръ.

Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ,
Про веселье чистой трелью говорятъ,
Мысли — пѣсни напѣваю я струнамъ —
Вольный вѣтеръ ихъ разноситъ по полямъ.
Гусли — мысли, да веселыхъ пѣсень даръ
Далъ въ наслѣдство мнѣ мой батюшка-гусляръ,
Гусляромъ быть доля выпала и мнѣ —
Сѣять пѣсни по родимой сторонѣ.
Я иду, накинувъ бѣдный мой нарядъ —
Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ.

Прохожу по полямъ, по горамъ —
Напѣваю я пѣсни вѣтрамъ,
А какъ выйду на Волгу-рѣку —
Отдохнуть прихожу къ кабаку.
Тамъ, по праздникамъ пьетъ и поетъ,
Веселится рабочій народъ.

Digitized by Google

Какъ ударю я въ струны мои, —
Замолчатъ надъ рѣкой соловьи,
Разливаются пѣсни кругомъ — серебромъ!
Солнце выйдетъ, смѣясь изъ-за тучъ
А народъ-то, какъ солнце, могучъ!
Цѣловальникъ мнѣ цѣдитъ вина,
Да душа и безъ чарки полна!
Только мѣдныя струны звенятъ — говорятъ!
Коли пить — пей ковшомъ,
Бить — такъ бей кистенемъ:
Вѣдь, всегда тому честь,
Кто во всемъ будетъ весь!

Эхъ, какъ громко струны мѣдныя звенятъ,
Слышитъ ихъ владѣлецъ каменныхъ палатъ!
На душѣ его осенняя пора —
И зоветъ онъ молодого гусляра:
„Ты сыграй-ко, пѣсню грустную запой,
Чтобъ омылъ я душу грѣшную слезой;
Успокой ты совѣсть нѣжную мою:
Я тебя и накормлю, и напою!
Пусть о томъ, что я народу — добрый братъ
Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ!“

Я вхожу во дворецъ къ богачу
И ковры дорогіе топчу:

Digitized by Google

Полны скуки, тоски и молбы,
Тамъ живутъ сытой жизни рабы.
Я пою имъ, шутя и смѣясь:
На душѣ у васъ копоть и грязь!
Не спою я вамъ пѣсни такой,
Чтобы васъ очищала собой!
Пусть лежитъ у васъ на сердцѣ тѣнь,
Пѣснь моя не понравится вамъ:
Зазвенитъ она, словно кистень
По пустымъ головамъ!
„Земля у насъ истощена!
Чего просить у ней?
Бурьянъ сухой родитъ она
И ядовитыхъ змѣй!
Вотъ я змѣей вползаю къ вамъ
И пѣсней жалю васъ:
Я только ядъ и раны дамъ,
А муки — Богъ вамъ дастъ!
Я къ вамъ явился возвѣстить:
Жизнь казни вашей ждетъ!
Жизнь хочетъ вамъ нещадно мстить:
Она за мной идетъ! . . . “

Ахъ, не кончилъ эту пѣсенку гусляръ.
Не приходитъ онъ на людный на базаръ,
Не видать его въ царевомъ кабакѣ,
И не слышно звонкихъ пѣсенъ на рѣкѣ.

Digitized by Google

Только видно: у тюремныхъ, у воротъ,
Каждый вечеръ собирается народъ,
А изъ башни пѣсни льются — говорятъ,
Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ!

Скиталецъ.

Все для дѣла.

(Вилльяма Моррисса.)

Слушай слово, слово правды. Близокъ, братья, день, когда
Смерть однихъ нужна для дѣла, жизнь другихъ-же, для труда.
Много павшихъ было прежде: кто умретъ, не одинокъ.
А живущимъ будетъ легче тѣхъ, кто раньше изнемогъ.
Жизнь ихъ, братья, не легенда. Лишь вчера лилась ихъ кровь,
Ихъ, избранниковъ отважныхъ, проповѣдавшихъ любовь.
То, что намъ о нихъ извѣстно — носитъ все печать креста,
Наша свѣтлая надежда чистой кровью облита.

Digitized by Google

Имъ палачъ открылъ могилу: въ ней страданіе и трудъ,
Но изъ той святой могилы намъ надежды разцвѣтутъ.
Не рыдайте-же надъ ними, не печальтесь, что ихъ нѣтъ.
Въ нихъ для проповѣди сила, въ нихъ для подвиговъ завѣтъ.
Имена иныхъ гремѣли. Были мудрыми одни,
А другіе неизвѣстны. Знали только скорбь они,
Но и слава и безвѣстность въ насъ живутъ и учатъ насъ
Пренебречь своимъ страданьемъ, если свѣточъ не погасъ.
Слышишь крикъ ихъ: „Счастье братьямъ, что увидятъ свѣтъ зари.
Дѣло имъ вѣнецъ готовитъ: смѣло бейся иль умри.
Славно жить, — славнѣй погибнуть. Смерть манитъ на свѣтлый пиръ.
Сквозь туманъ и хаосъ битвы заблеститъ для міра — миръ.
Ахъ, все это можетъ сбыться! Мнѣ грядущее сулитъ.
Что изъ края въ край свобода вольнымъ вѣтромъ полетитъ.

Digitized by Google

И тогда на ликованьи много юношей и дѣвъ,
Свѣтлый день благословляя, — оборвутъ живой напѣвъ,
И задумаются грустно о далекихъ мрачныхъ дняхъ.
Дняхъ, когда насилье злобы насъ держало въ рудникахъ.
И тогда сердца влюбленныхъ вспомнятъ насъ среди утѣхъ,
Насъ безумцевъ, претерпѣвшихъ за любовь — гоненья, смѣхъ.
Вспомнятъ насъ они, какъ мудрыхъ и отважныхъ, и почтутъ
Славной памятью и битвы, и возвышенный нашъ трудъ!
Пусть забвеніе покроетъ нашу смерть и имена,
Мы за истину погибли и она лишь всѣмъ важна.
Жизнь въ борьбѣ свѣтла, прекрасна. Дѣло— лучшій нашъ вѣнокъ.
Много павшихъ было прежде. Кто погибъ, — не одинокъ.
Слушай слово, слово правды. — Близокъ, братья, день, когда
Смерть однихъ нужна для дѣла, жизнь другихъ-же для труда.

Digitized by Google

* * *

Душно! Безъ счастья и воли
Жизнь безконечно темна!
Буря бы грянула, что-ли,
Чаша съ краями полна!

Грянь надъ пучиною море!
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи,
Чашу вселенскаго горя
Всю расплещи!

Апостолъ.

(Изъ „Впередъ!")

Когда желѣзною рукой
Насъ власти гнетъ повсюду давитъ,
Когда безумный произволъ
Измученнымъ народомъ правитъ,
Когда никто во всей странѣ
Отъ страха устъ раскрыть не смѣетъ,
И силы лучшія людей
Въ дремотѣ тяжкой цѣпенѣютъ, —

Digitized by Google

Среди страданій и оковъ
Порабощеннаго народа
Иди по селамъ, городамъ,
Кричи „да здравствуетъ свобода!“

Гдѣ человѣка человѣкъ
Скотиной вьючною считаетъ;
Гдѣ все предъ денежнымъ мѣшкомъ
Колѣни трепетно склоняетъ;
Гдѣ честь, и женская любовь,
И человѣка трудъ свободный —
Все покупается съ торговъ,
Гдѣ презираемый, голодный,
Работникъ жизнь свою клянетъ, —
Пусть тамъ твое живое слово
Къ борьбѣ со зломъ и къ жизни новой
Народъ молчащій воззоветъ.

Гдѣ сильный слабаго тѣснитъ,
Гдѣ деньги право замѣняютъ,
Гдѣ всюду наглый паразитъ
Народъ безсильный истощаетъ,
Гдѣ человѣка топчутъ въ грязь,
Гдѣ палачи, страны судьбами
Владѣя, нагло душатъ всѣхъ
Своими грязными руками, —

Digitized by Google

Туда иди на славный бой
Во имя правды и свободы.
Туда иди! Буди людей!
Зови къ оружію народы!

Не ты виной, когда въ бою
Кровь неповинная прольется;
Безъ жертвъ, безъ крови, безъ борьбы,
Народамъ счастье не дается.
Не ты безжалостной рукой
Народа грабилъ достоянье;
Не ты отдалъ его судьбу
Своимъ льстецамъ на поруганье;
Не ты, когда страдалъ народъ,
Въ чертогахъ пышныхъ веселился;
Не ты виной, что онъ за ножъ
Теперь въ отчаяньи схватился.

Иди и не слабѣй въ борьбѣ!
Пусть рѣчь твоя не умолкаетъ!
Пусть будитъ дремлющихъ она,
Изъ гроба мертвыхъ поднимаетъ!
Когда же, къ радости враговъ,
Ты попадаешься власти въ руки,
Не поблѣднѣешь ты предъ ней,
Въ оковахъ обреченъ на муки:

Digitized by Google

И если радостный палачъ
Тебя, съ улыбкой безсердечной,
Нахально спроситъ: „Чья взяла?“
Отвѣтишь: „Моя взяла, конечно!“

---

* * *

(Посвящается Л. Н. Толстому.)

Я слышу звукъ его рѣчей:
Среди всеобщаго смятенья
Великій старецъ нашихъ дней
Зоветъ на путь непротивленья.
„Зачѣмъ насилье надъ врагомъ,
„Побѣда, купленная кровью?
„Не лучше-ль намъ въ борьбѣ со зломъ
„На зло — откликнуться добромъ,
„На ненависть — любовью?
„Пусть страшенъ врагъ, пусть дологъ путь.
„Но вѣрю я: настанетъ время —
„И расцвѣтетъ когда нибудь
„Любовью брошенное сѣмя!“

Digitized by Google

Простыя, ясныя слова,
И кто проникся ихъ лучами
Какъ бы коснулся божества
И говоритъ его устами.
Предъ этой ясной простотой
И я склонялъ свои колѣни, —
Но предо мной встаютъ толпой
Другіе образы и тѣни:
Тамъ, гдѣ предъ грознымъ палачемъ
Народъ смиренно спину клонитъ.
И подъ ярмомъ, и подъ бичемъ
Безсильно падаетъ и стонетъ,
Тамъ, гдѣ страданьямъ нѣтъ числа,
Гдѣ попираются отъ вѣка
Пятой ликующаго зла
Права и чувства человѣка.
Гдѣ мысль униженно молчитъ,
Сложивъ безпомощныя крылья,
И духъ возстанія убитъ
Отврагой рабскаго безсилья, —
Тамъ, нѣтъ! не проповѣдь любви,
Тамъ нуженъ мощный кличъ возстанья,
Чтобы зажечь въ людской крови
Святой огонь негодованья.
Тамъ нужно ненависть борца
Вдохнуть въ застывшія сердца,

Digitized by Google

Давно привыкшія къ смиренью,
И въ часъ возмездья роковой
Забить въ набатъ — и звать на бой
Къ освобожденью! . . .

Данинъ.

---

* * *

(Изъ Уатта Уитмана.)

Не скорбнымъ, безсильнымъ, остывшимъ бойцамъ,
Усталымъ отъ долгихъ потерь,
Хочу я отважнымъ и юнымъ сердцамъ
Пропѣть свою пѣсню теперь!
Пусть мертвые мертвымъ приносятъ любовь
И плачутъ у старыхъ могилъ!
Мы живы: кипитъ наша алая кровь
Огнемъ неистраченныхъ силъ.

Священную память погибшихъ въ бою
Безъ слезъ мы умѣемъ хранить,
Мы жаждемъ всю силу, всю душу свою
На тотъ же алтарь возложить!

Digitized by Google

Кто выронилъ молотъ и острый рѣзецъ?
Мы рвемся работать взамѣнъ,
И строить великій народный дворецъ
Изъ камня разобранныхъ стѣнъ.

Чьи мутные взоры поникли къ землѣ?
Пытливо глядимъ мы впередъ,
Упрямо стремимся увидѣть во мглѣ
Зари отдаленной восходъ.
Несись моя пѣсня, какъ радостный кликъ,
На дальній, безвѣстный предѣлъ!
Да здравствуетъ юность, кипучій родникъ
Великихъ стремленій и дѣлъ!

Несись моя пѣсня! Взлети до небесъ,
Какъ соколъ, свободный отъ путъ!
Да здравствуетъ геній всемірныхъ чудесъ,
Могучій и творческій трудъ!
Несись моя пѣсня опять и опять!
Греми надъ землей, какъ труба!
Да здравствуетъ жизни всесильная мать,
Владычица міра — борьба!

Отъ края до края родимой страны
Другъ другу несемъ мы привѣтъ . . .
Мы — ласточки свѣжей, зеленой весны,
Идущей за нами во вслѣдъ.

Digitized by Google

Пусть скована стужей нѣмая земля
И каждый шумливый потокъ,
И умерли листья и снѣгъ на поля
Серебрянымъ саваномъ легъ:

Уже прокатился громовый ударъ
Съ невѣдомыхъ горныхъ высотъ,
И дрогнула сила безжизненныхъ чаръ,
Тяжелый колеблется гнетъ.
И вѣтеръ предъ утромъ повѣялъ теплѣй;
Во мракѣ на каждомъ шагу
Незримыя струйки ожившихъ ключей
Ужъ роются тайно въ снѣгу.

Да скроется сумракъ, да здравствуетъ свѣтъ!
Мы вѣстники новыхъ временъ!
Весна молодая идетъ намъ во слѣдъ
Подъ сѣнью несчетныхъ знаменъ!

Танъ.

Пѣсня соціалистовъ.

Смѣло, друзья, не теряйте
Бодрость въ неравномъ бою,
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою!

Digitized by Google

Если погибнуть придется
Въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ,
Дѣло всегда отзовется
На поколѣньяхъ живыхъ.

Стонетъ и тяжко вздыхаетъ
Бѣдный нашъ русскій народъ,
Руки онъ къ намъ простираетъ,
Насъ онъ на помощь зоветъ!

Припѣвъ:
Если погибнуть придется и т. д.

Часъ обновленья настанетъ,
Воли добьется народъ
Добрымъ насъ словомъ помянетъ,
Къ намъ на могилу придетъ.

Припѣвъ:
Если погибнуть придется и т. д.

---

* * *

Смѣло, товарищи, въ ногу!
Духомъ окрѣпнемъ въ борьбѣ,
Въ царство свободы дорогу
Грудью проложимъ себѣ. (2 раза).

Digitized by Google

Вышли мы всѣ изъ народа,
Дѣти семьи трудовой.
„Братскій союзъ и свобода“,
Вотъ нашъ девизъ боевой. (2 раза).

Долго въ цѣпяхъ насъ держали,
Долго насъ голодъ томилъ,
Черные дни миновали,
Часъ искупленья пробилъ. (2 раза).

Время за дѣло приняться,
Въ бой поспѣшимъ мы скорѣй,
Нашей-ли рати бояться
Призрачной силы царей. (2 раза).

Все, чѣмъ держатся ихъ троны —
Дѣло рабочей руки . . .
Сами набьемъ мы патроны,
Къ ружьямъ привинтимъ штыки! (2 раза).

Свергнемъ могучей рукою
Гнетъ роковой навсегда
И водрузимъ надъ землею
Красное знамя труда. (2 раза).

Л. Радинъ.

Digitized by Google

Красное знамя.

(Польская рабочая пѣснь: „Czerwony Sztandar“.)

Слезами залитъ міръ безбрежный,
Вся наша жизнь тяжелый трудъ.
Но день настанетъ неизбѣжный,
Неумолимо грозный судъ!
Лейся въ даль, нашъ напѣвъ! Мчись кругомъ!
Надъ міромъ знамя наше вѣетъ
И несетъ кличъ борьбы, месть и громъ,
Сѣмя грядущаго свѣтъ.
Оно горитъ и ярко рдѣетъ,
То наша кровь горитъ на немъ,
То кровь работниковъ на немъ!

Пусть слуги тьмы хотятъ насильно
Связать разорванную сѣть,
Слѣпое зло падетъ безсильно,
Добро не можетъ умереть!

Припѣвъ:

Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Бездушный гнѣтъ, тупой, холодный,
Готовъ погибнуть, наконецъ.
Намъ будетъ счастьемъ трудъ свободный
И братство дастъ ему вѣнецъ.

Digitized by Google

Припѣвъ:
Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Скорѣй друзья! Идемъ всѣ вмѣстѣ,
Рука съ рукой и мысль одна!
Кто скажетъ бурѣ: стой на мѣстѣ?
Чья власть на свѣтѣ такъ сильна?

Припѣвъ:
Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Долой тирановъ! Прочь оковы,
Не нужно старыхъ, рабскихъ путъ!
Мы путь землѣ укажемъ новый,
Владыкой міра будетъ трудъ!

Припѣвъ:
Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Варшавянка.

(Польская революціонная пѣсня.)

Вихри враждебные воютъ надъ нами,
Темныя силы насъ злобно гнетутъ,
Въ бой роковой мы вступили съ врагами,
Насъ еще судьбы безвѣстныя ждутъ.

Digitized by Google

Но мы поднимемъ гордо и смѣло
Знамя борьбы за рабочее дѣло,
Знамя великой борьбы всѣхъ народовъ
За лучшій міръ, за святую свободу.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Маршъ, маршъ впередъ,
Рабочій народъ! (2 раза).

Мретъ въ наши дни съ голодухи рабочій,
Станемъ ли дольше мы, братья, молчать?
Нашихъ сподвижниковъ юныя очи
Можетъ-ли видъ эшафота пугать?

Въ битвѣ великой не сгинутъ безслѣдно
Павшіе съ честью во имя идей,
Ихъ имена съ нашей пѣснью побѣдной
Станутъ священны милліонамъ людей.

Припѣвъ:
На бой кровавый и т. д.

Намъ ненавистны тирановъ короны,
Цѣпи народа-страдальца мы чтимъ.
Кровью народной залитые троны
Мы кровью нашихъ враговъ обагримъ.

Digitized by Google

Месть безпощадная всѣмъ супостатамъ,
Всѣмъ паразитамъ трудящихся массъ,
Мщеніе и смерть всѣмъ царямъ-плутократамъ,
Близокъ побѣды торжественный часъ.

Припѣвъ:
На бой кровавый и т. д.

Пѣснь пролетаріевъ.

(На мотивъ Марсельезы.)

Мы марсельезы гимнъ старинный
На новый ладъ теперь споемъ —
И пусть трепещутъ властелины
Передъ проснувшимся врагомъ!
Пусть въ пѣснѣ мощной и свободной
Ихъ поразитъ, какъ грозный бичъ,
Могучій зовъ, побѣдный кличъ,
Великій кличъ международный:
Пролетаріи всѣхъ странъ,
Соединяйтесь въ дружный станъ!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народъ-титанъ!

Digitized by Google

Вѣками длится бой упорный . . .
Не разъ мятежной рукой
Народъ платилъ за гнетъ позорный
И разрушалъ за строемъ строй.
Но никогда призывъ свободный
Такою мощью не дышалъ,
Такой угрозой не звучалъ,
Какъ этотъ кличъ международный:

Припѣвъ:
Пролетаріи всѣхъ странъ и т. д.

Силенъ нашъ врагъ, буржуазія!
Но вслѣдъ за ней, на грозный судъ,
Какъ безпощадная стихія,
Ея могильщики идутъ . . .
Она сама рукой безпечной
Куетъ тотъ мечъ, которымъ мы,
Низвергнувъ власть позорной тьмы,
Проложимъ путь къ свободѣ вѣчной!

Припѣвъ:
Пролетаріи всѣхъ странъ и т. д.

Не устрашитъ насъ бой суровый:
Нарушивъ вашъ кровавый пиръ,
Мы потеряемъ лишь . . . оковы,
Но завоюемъ — цѣлый міръ!

Digitized by Google

Дрожите-жъ, жалкіе тираны!
Уже подхваченъ этотъ зовъ:
Подъ краснымъ знаменемъ борцовъ
Ужъ подымаются всѣ страны!

Припѣвъ:
Пролетаріи всѣхъ странъ и т. д.

Въ странѣ, подавленной безправьемъ,
Вамъ слышно-ль? Близокъ ураганъ:
То въ смертный бой съ самодержавьемъ
Вступаетъ русскій великанъ . . .
Передъ зарею пробужденья
Уже блѣднѣетъ ваша тѣнь! . . .
Впередъ, на бой! Предъ нами день,
Великій день освобожденья! . . .

Припѣвъ:
Пролетаріи всѣхъ странъ и т. д.

Интернаціоналъ.

(На мотивъ „l'Internationale").

Вставай, проклятьемъ заклейменный,
Весь міръ голодныхъ и рабовъ!
Кипитъ нашъ разумъ возмущенный
И въ смертный бой вести готовъ.

Digitized by Google

Весь міръ насилья мы разроемъ
До основанья, — а затѣмъ
Мы нашъ, мы новый міръ построимъ:
Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ!

Это будетъ послѣдній
И рѣшительный бой!
Съ интернаціоналомъ
Воспрянетъ родъ людской! (2 раза).

Никто не дастъ намъ избавленья —
Ни Богъ ни царь и ни герой!
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Чтобъ свергнуть гнетъ рукой умѣлой,
Отвоевать свое добро, —
Вздувайте горнъ и куйте смѣло,
Пока желѣзо горячо! . . .

Припѣвъ:
Это будетъ послѣдній и т. д.

Лишь мы, работники всемірной
Великой арміи труда,
Владѣть землей имѣемъ право, —
Но паразиты — никогда!

Digitized by Google

И если громъ великій грянетъ
Надъ сворой псовъ и палачей, —
Для насъ все также солнце станетъ
Сіять огнемъ своихъ лучей . . .

Припѣвъ:
Это будетъ послѣдній и т. д.

---

* * *

Боже царя храни!
Деспоту долгіе дни
Ты ниспошли.
Сильный жандармами,
Гордый казармами
Царствуй на страхъ сынамъ
Руси безправной,
Царь православный,
Царствуй на страхъ глупцамъ!
Врагъ просвѣщенія
Въ царствѣ хищенія
Мирно живи!
Всѣхъ, кто свободу
Ищетъ народу,
Бей и дави!

Digitized by Google

Твой голодающій,
Вѣчно страдающій,
Бѣдный народъ
Въ храмахъ моленія
Благословенія
Все тебѣ шлетъ.
Время настанетъ,
Солнце проглянетъ,
Разбудитъ борцовъ . . .
Пользуйся временемъ!
Царствуй надъ племенемъ
Жалкихъ рабовъ.

На смерть Мезенцева.

Какъ ударъ громовой, всенародная казнь
Надъ безумнымъ злодѣемъ свершилась;
То она изъ ступеней отъ трона царя
Съ грознымъ трескомъ долой отвалилась.

Безсердечный палачъ успокоенъ на вѣкъ,
Не откроются мертвыя очи!
И трепещетъ у пышнаго гроба его
Въ изумленіи деспотъ полночи.

Digitized by Google

Мраченъ царь . . . Думу крѣпкую думаетъ
онъ:
Кто осмѣлился стать судіею
Надъ тобою, надъ вѣрнымъ слугою моимъ,
Надъ любимцемъ, возвышеннымъ мною?

„Не злодѣй-ли безъ Бога и правды въ душѣ?
Не завистникъ-ли подлый, лукавый?
Или врагъ потайной, или недругъ лихой
Преисполненный местью кровавой? . . .“

Все молчитъ . . . Нѣтъ отвѣта. Кругомъ
тишина.
Лишь псаломщикъ каѳизмы читаетъ,
Да свѣтильня дрожитъ . . . И вторично судьбу
Самодержецъ-монархъ вопрошаетъ . . .

Вотъ упала свѣча и потухла, дымясь.
Вслѣдъ за нею потухли другія.
Мракъ густой опустился на бархатный гробъ,
На покровы его дорогіе . . .

Царь стоитъ и не вѣритъ смущеннымъ
очамъ:
Какъ на гласъ неземнаго велѣнья,
Поднялись и проносятся мимо него
Рой за роемъ живыя видѣнья.

Digitized by Google

Изможденны, избиты, въ тяжелыхъ цѣпяхъ,
Кто съ прострѣленной грудью, кто связанъ,
Кто въ зіяющихъ ранахъ на вспухшихъ спинахъ,
Будто только что плетаю наказанъ.

Тутъ и лапоть крестьянскій, и черный сюртукъ,
Женскій локонъ, солдатикъ въ мундирѣ,
И съ веревкой на шеѣ удавленный трупъ,
И поэтъ заморенный въ Сибири . . .

Словно духи на страшную тризу сошлись
Въ часъ условный ночного свиданья;
Собрались и, ставши вокругъ мертвеца,
Затянули ему отпѣванье:

„Жизнью распутною всхоленный,
„Нашею кровію вспоенный,
„Жалости въ сердцѣ не вѣдавшій,
„Пытки и смерть проповѣдавшій,
„Шедшихъ дорогой тернистою
„Мявшій стопою нечистою
„Въ страшной, неравной борьбѣ, —
„Вѣчная память тебѣ! . . .

Digitized by Google

„Память позорная
„Мысли гонителю!
„Память укорная
„Злому мучителю!
„Неисправимая,
„Неизгладимая,
„Безчеловѣчная,
„Вѣчная, вѣчная
„Память тебѣ!! . . .“

И съ проклятіемъ грознымъ они унеслись,
До холодныхъ могилъ добираясь;
Застучали оковы на тощихъ ногахъ,
Въ расшивной катафалкъ ударяясь,

Но видѣнье одно, долетѣвъ до царя,
Передъ нимъ неподвижное стало
И, взглянувъ на него, съ молодого чела
Гробовое сняло покрывало.

Блѣдный ликъ его гнѣвнымъ укоромъ сверкалъ,
Мрачный вызовъ во взорѣ свѣтился.
Царь! Ты вѣдать хотѣлъ, кто любимца убилъ,
Кто на подвигъ кровавый рѣшился?

Digitized by Google

„Не злодѣй, не завистникъ, не недругъ лихой,
Не свои вымѣщалъ онъ обиды,
То посланникъ смиренный, послушный боецъ
Всенародный, святой немезиды.

„Не опричника злого онъ жизни искалъ.
Что опричникъ! Ихъ много найдется!
Царь! ты совѣсть спроси, и правдивый отвѣтъ,
Можетъ быть, въ ея нѣдрахъ найдется . . .

„Онъ тобой изведенъ, твой послушный холопъ,
Исполнитель кровавыхъ велѣній!
Ты убійца его! Погляди и казнись:
Это жертва твоихъ преступленій.

„Воспоенный коварною лестью рабовъ,
Богъ земной, лишь себя обожавшій,
Властелинъ, безпощадно всесильной рукой
Свой народъ неповинный сковавшій.

Царь, гонитель свободы и правды святой,
Народившейся мысли гонитель,
Сладострастный, холодный, жестокій старикъ,
Нашихъ силъ молодыхъ развратитель,

Digitized by Google

„Окруженный плеядой дворцовыхъ свѣтилъ,
Въ облакахъ покупныхъ ѳиміамовъ,
Не разслышалъ ты воплей родимой земли
За напѣвомъ придворныхъ баяновъ.

„Ты не вѣдалъ, не зналъ за обильнымъ столомъ
Какъ въ нуждѣ умираетъ голодный,
Двадцать лѣтъ, какъ блудница, съ друзьями моталъ
Ты послѣдній достатокъ народный.

„А повсюду-то голодъ, и холодъ, и моръ,
Обездоленный грабитъ, воруетъ.
Свищутъ розги въ поганыхъ рукахъ становыхъ,
А избитый тѣ руки цѣлуетъ.

„Вотъ подъ Плевной дымится огромный курганъ,
Тамъ останки еще не догнили:
Чтобъ уважить царя, въ именины его
Много тысячъ своихъ положили.

„Именинный пирогъ изъ начинки людской
Братъ подноситъ державному брату;
А на родинѣ вѣтеръ холодный шумитъ
И разноситъ солдатскую хату . . .

Digitized by Google

„Вотъ старушка, убитая горемъ, сидитъ:
Въ кандалахъ увели ея сына:
Во всесильномъ жестокомъ тиранѣ, въ тебѣ
Не хотѣлъ онъ признать властелина.

„Изъ родимаго дома его увели,
Отъ любимыхъ, родныхъ оторвали,
И на годы, на долгіе годы въ тюрьмѣ
Какъ въ могилѣ глухой заковали.

„Вотъ невѣста въ слезахъ: разстрѣляли вчера
Жениха, объявившаго смѣло,
Что не сдастся злодѣямъ, пришедшимъ его
Оторвать отъ великаго дѣла.

„Да товарищъ печально стоитъ въ кандалахъ
Надъ могильнымъ холмомъ, вспоминая,
Какъ погибла во цвѣтѣ надежды и силъ
Благородная жизнь молодая.

„Стонетъ Польша, казакъ и забитый еврей,
Стонетъ пахарь нашъ многострадальный;
Истомился въ далекой Якутской тайгѣ
Яркій свѣточъ науки опальной.

Digitized by Google

„Стонетъ мать надъ могилой убитыхъ дѣтей,
А вдова надъ могилою мужа.
Вторитъ имъ, не впопадъ завывая мятель,
Да Сибири трескучая стужа.

„Стонъ и вопли страдальцевъ до самыхъ
небесъ
Горемычной росой поднялися.
И вселенскою тучей надъ трономъ твоимъ
Съ цѣлой русской земли собралися.

„И виситъ эта туча, и будто бы ждетъ,
Словно крылья орелъ расправляетъ,
Но ударитъ твой часъ, — грозовая стрѣла,
Какъ архангела мечъ засверкаетъ.

„Каждый стонъ, каждый вздохъ, пролитая
слеза
Въ огнедышащій змѣй обратятся,
И въ давно зачерствѣлое сердце твое,
Милліонами зубьевъ вонзятся! . . .“

. . . Все пропало во тьмѣ, все сокрылось
изъ глазъ,
Роковыя исчезли видѣнья . . .
Монотонно псаломщикъ псалтырь зачиталъ
Надъ суровою жертвою мщенья.

Digitized by Google

Полумракъ, тишина . . . пышный гробъ и
налой,
Образа съ восковыми свѣчами,
И покойникъ съ суровымъ, холоднымъ ли-
цомъ,
Съ искаженными смертью чертами.

Ольхинъ.

---

* * *

Лѣсъ рубятъ . . . молодой, еще зеленый лѣсъ!
А сосны старыя, задумавшись угрюмо,
И полныя неразрѣшимой думой,
Печальныя глядятъ въ нѣмую даль небесъ.

Лѣсъ рубятъ; оттого-ль, что рано онъ шу-
мѣлъ,
Что пѣсней радостной своей будилъ природу,
Что молодой листвой онъ слишкомъ рано пѣлъ
Про солнце ясное, про счастье, про свободу.

Лѣсъ рубятъ . . . но земля укроетъ сѣмена:
Пройдутъ года и мощной жизни силой
Поднимется борцовъ зеленая стѣна
И зашумитъ она надъ братскою могилой!

Digitized by Google

Призраки ночи.

(Изъ „Пѣсенъ ирландца" Патрика Виллоугуби.)

Жутко и холодно: тьма надвигается,
Близится страшная ночь, —
Сердце мучительной болю сжимается,
Скорби нельзя превозмочь!
Жалко становится жизни загубленной,
Юности радостной жаль
Съ вѣрой завѣтной, грёзой излюбленной,
Звавшими въ свѣтлую даль:
Полное счастье суля, улыбалося
Всё въ лучезарной дали!
Что отъ поры той волшебной осталося, —
Что же мы сами нашли?
Гибель надеждъ благородныхъ лишь видѣли
Всюду на тяжкихъ путяхъ:
Тѣ, кого мы отъ души ненавидѣли,
Братьевъ повергли во прахъ . . .
Мы-жъ съ затаёнными гнѣвно-проклятьями
Часто стояли безъ слезъ
Надъ побѣжденными честными братьями
Въ годы отчаянныхъ грезъ . . .

Digitized by Google

Ночи боюсь: вереницей кровавою
Тѣни отважныхъ людей,
Павшихъ за край нашъ ирландскій со славою,
Въ памяти встанутъ моей!
Кельи почудятся мнѣ одиночныя, —
Гробы загубленныхъ силъ,
Двери, рѣшетки желѣзныя прочныя
Этихъ тюремныхъ могилъ:
Только покойники въ землю холодную
Мирно ложатся на вѣкъ, —
Тамъ же, въцѣпяхъ, долю ближнихъ свободную
Душитъ, какъ зверь, человѣкъ! . . .
Въ ночь непроглядную, злою картиною
Нравственныхъ пытокъ смущенъ, —
Тщетно зову я, снѣдаемъ кручиною,
Успокоительный сонъ!

С. Б—въ.

---

* * *

Смолкли честные, доблестно павшіе;
Смолкли ихъ голоса одинокіе,
За несчастный народъ вопіявшіе . . .
Но разнузданы страсти жестокія.

Digitized by Google

Вихри злобы и бѣшенства носятся
Надъ тобою, страна безотвѣтная.
Все живое, все честное косится . . .
Слышно только, о ночь безразсвѣтная,
Среди мрака, тобою разлитаго,
Какъ враги, торжествуя скликаются,
Такъ на трупъ великана убитаго
Кровожадныя птицы слетаются.
Ядовитые гады сползаются . . .

Н. Некрасовъ.

---

* * *

Онъ скованъ былъ. Металлъ его цѣпей
Давно истлѣлъ,
И въ прахъ разсыпался бъ, когда бы лишь сильнѣй
Рвануть онъ смѣлъ.

Но помнить онъ, какъ нѣкогда была
Та цѣпь крѣпка,
Какъ съ нею справиться ни разу не могла
Его рука . . .

Digitized by Google

И на судьбу ропталъ онъ, но сильнѣй
Рвануть не смѣлъ.
А крѣпкій нѣкогда металлъ его цѣпей
Давно истлѣлъ.

Видѣнія.

Въ сумракѣ прошлаго, міромъ забытыя,
Въ полночь встаютъ предо мной
Тѣни замученныхъ, кровью облитыя,
Съ тихой и скорбной молбой:
„Бросивъ могилы свои отдаленныя
Въ области вѣчнаго льда,
Думой поэта къ нему привлеченныя,
Всѣ мы слетѣлись сюда.
Много терпѣли мы злого мученія,
Все за родимый нашъ край.
Вспомни хоть ты насъ и въ бездну забвенія
Намъ погрузиться не дай.
Братьямъ скажи нашу жертву великую,
Подвигъ любви роковой;
Ненависть къ злу безпощадную, дикую
Грустною пѣснью воспой!

Digitized by Google

Хоть на минуту тѣ звуки печальные
Новую жизнь въ насъ вдохнутъ,
Снова на родину милую, дальнюю
Къ братьямъ любимымъ вернутъ."

Много ихъ... Гордыя жертвы страданія,
Ихъ не смирившей толпы
Изъ-за могилы намъ шлютъ завѣщаніе
Непримиримой борьбы.
Сестры прекрасныя намъ улыбаются,
Дѣти лепечутъ привѣтъ,
Всѣ вереницею братской сплетаются . . .
Много ихъ . . . счету имъ нѣтъ . . .
Всѣ, что въ пустынѣ ногами усталыми
Тихо къ могилѣ брели;
Всѣ, что служили крупицами малыми
Дѣлу родимой земли;
Всѣ, что любили любовью глубокою
Русскій несчастный народъ;
Всѣ, что боролись со властью жестокою,
Шли, не блѣднѣя, впередъ . . .

Братья любимые! сестры мнѣ милыя!
Мнѣ ли исполнить вашъ зовъ?
Слово безсильное, слово постылое
Не разрываетъ оковъ,

Digitized by Google

Нѣтъ, оживятъ васъ не пѣсни печальныя,
— Жалкихъ страдальцевъ удѣлъ —
Грянетъ въ могилы къ вамъ въ стороны дальнія
Громъ совершившихся дѣлъ.

П. Я.

Матери.

Мнѣ снилось сегодня: въ безвѣстномъ краю
Въ слетахъ я родимую видѣлъ свою.
— „Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дождусь-ли тебя я, соколикъ, домой?
Взгляни: мои очи ослѣпли отъ слезъ,
И снѣга бѣлѣй стали пряди волосъ . . .
Все грезятся мнѣ на яву и во снѣ
Страданья твои въ чужедальной странѣ!
Все слышу бряцанье тяжелыхъ цѣпей,
Все вижу замки у дубовыхъ дверей;
За ними знакомая поступь и рѣчь . . .
Нельзя мнѣ спокойно въ могилушку лечь!“

— О матушка милая! Радъ бы душой
Тебя я утѣшить, вернуться домой:
Хоть были-бъ три жизни даны мнѣ въ удѣлъ,
Всѣ бъ отдалъ я, всѣ . . . и къ тебѣ полетѣлъ!

Digitized by Google

Но душу живую я смѣю-ль отдать?
Могла-ли бъ меня ты за сына признать? —
И слезы лились у родимой рѣкой,
И дряхлой качала она головой . . .

П. Я.

Матери.

Не плачь, о мать моя, и сына не кори:
Не горе домъ твой посѣтило.
Съ тоской и горечью врагамъ не говори,
Что сына ты похоронила.
Но ты скажи, что духомъ онъ возсталъ
И что ему смѣшна ихъ злоба;
Что много насъ, что пасть иль побѣдить
Идемъ мы, не страшась гоненья.
Что мы свободу вѣчную купить
Идемъ цѣною пытокъ и мученья.
О мать моя, ты можешь-ли понять
Слова мои, стремленья гражданина,
Иль умирая будешь повторять,
Что раньше схоронила сына?

П. Я.

Digitized by Google

Пѣсня студентовъ.

(19 февраля 1902 г.)

Мы — не борцы. Мы только тѣнь борцовъ,
Упавшая отъ солнца за горами;
Мы лишь гонцы грядущихъ въ міръ творцовъ,
Богатыхъ мыслію, и знаньемъ, и дарами;
Мы только ласточки, оставившія югъ
Чтобъ возвѣстить природы обновленье,
Мы только вѣсть несемъ, что кончился недугъ
И что врачи сулятъ больной выздоровленье.
Быть можетъ сгубитъ насъ морозъ февральскихъ дней,
Но онъ законъ временъ текущихъ не измѣнитъ,
И жалкій блескъ искусственныхъ огней
Сіяніе весны тепломъ своимъ замѣнитъ.

„Дубинушка".

Удивилъ царь весь міръ,
Какъ царямъ предложилъ
Уничтожить военныя силы;
„Намъ не нужны войска,
Будемъ жить, какъ друзья,
И забудемъ про силу дубины.

Digitized by Google

Но дошло до царя,
Что настала пора,
И студенты возстали за право,
Первымъ дѣломъ тогда
Принялся безъ труда,
По старинному онъ за расправу.

И дубиною той,
Милосердной рукой,
Пополняетъ полки молодежью,
И какъ вспомнишь порой,
Гдѣ твой другъ дорогой,
Такъ невольно подернешься дрожью.

Но крѣпись, братъ родной,
За твоею спиной
Мы поднимемся дружной семьею,
И сотремъ произволъ,
И самъ царскій престолъ
Мы сравняемъ съ сырою землею

Чтобъ въ солдатскихъ рядахъ
Отъ печали не счахъ,
Запѣвай-ка родную дубину,
Вспоминая о насъ,
Ожидая тотъ часъ,
Когда мы отомстимъ властелину.

Digitized by Google

Что ни день, что ни часъ,
Издавая указъ,
Царь враговъ самъ себѣ наживаетъ,
И въ Россіи давно
Страшной злобой полно
Все, что мыслитъ, живетъ и страдаетъ.

Нѣтъ, зачѣмъ намъ страдать
И себя продавать,
Слѣпо идя во власть произвола!
Не пора ли начать
Намъ народъ созывать?
Для борьбы уже почва готова.

И не день, и не годъ
Тотъ рабочій народъ
Весь готовъ для борьбы за свободу!
И вѣдь долгъ нашъ возстать
И ему помогать
Сбросить съ плечъ вѣковую невзгоду!

Но вѣдь правда, друзья,
Что сей пѣсни слова
Не должны оставаться лишь звукомъ,
И настанетъ пора,
Когда наша семья
Вся возстанетъ, идя другъ за другомъ!

8 февраля 1901 г.

Digitized by Google

Пророкъ.

(Посвящается Чернышевскому.)

Не говори: „забылъ онъ осторожность,
Онъ будетъ самъ судьбы своей виной!“
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любитъ онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ.
„Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ!“

Такъ мыслитъ онъ — и смерть ему любезна:
Не скажетъ онъ, что жизнь его нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель безполезна:
Его судьба давно ему ясно . . .

Н. Некрасовъ.

Памяти Н. Чернышевскаго.

Пусть мы бѣднѣй, чѣмъ нищіе, и съ дѣтства
Нашъ путь тернистъ, и жребій нашъ унылъ,
Но есть у насъ великое наслѣдство, —
Неисчислимый рядъ могилъ.

Digitized by Google

По всей странѣ, отъ Финскаго залива
До вѣковыхъ востока рубежей,
Стоятъ кресты и дремлютъ молчаливо,
Какъ вереница сторожей.

И каждый годъ въ зіяющія нѣдра
Сырой земли могильщица судьба,
Приноситъ дань настойчиво и щедро,
Спускаетъ новые гроба.

На берегу, гдѣ въ морѣ пала Волга,
Могила есть. Она еще нова.
Дубовый крестъ стоитъ надъ ней недолго,
Но на холмѣ растетъ трава.

Къ могилѣ той никто не ходитъ въ гости,
Лишь изрѣдка холодныхъ слезъ дождемъ
Надъ ней гроза расплачется отъ злости.
Туда вложилъ измученныя кости
Изгнанникъ, бывшій намъ вождемъ.

Онъ насъ училъ. Мы знаемъ всѣ, что значилъ
Его примѣръ для пламенныхъ сердецъ.
Онъ былъ вождемъ и плѣнъ свой первымъ началъ,
Теперь свободенъ, наконецъ.

Digitized by Google

Пускай онъ спитъ. Удѣлъ его опальный
Безъ отдыха тянулся двадцать лѣтъ,
Но въ этотъ день отъ той могилы дальней
Я вамъ принесъ его завѣтъ.

„Пусть голосъ мой изъ-за черты загробной,
О, юноши, достигнетъ къ вамъ теперь,
Не бойтесь жертвъ, не бойтесь мести злобной,
Ни пораженій, ни потерь.

Я вамъ путей указывать не стану,
Вашъ взоръ открытъ. Извѣстны вамъ враги
Пускай судьба даруетъ вамъ охрану
И жизнь сама направитъ вамъ шаги.

Вы знаете усилій нашихъ цѣну
И нашихъ узъ неумолимыхъ гнетъ,
О, юноши, идите къ намъ на смѣну,
И новый вѣкъ широкую арену
Пускай предъ вами развернетъ.

Но пусть огонь отваги нашей прежней,
Сжигавшій насъ великой страсти пылъ,
Въ душѣ у васъ горитъ еще мятежнѣй
И бьетъ ключемъ неистощимыхъ силъ.

Digitized by Google

Я вѣрю вамъ, а вы въ побѣду вѣрьте
И старый споръ дерзайте обновить,
О, юноши, изъ-за порога смерти
Я васъ хочу благословить.“

Колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Тихо, сладко спи!
Ты пока еще не „красный“,
Обыватель неопасный,
И гостей не жди,

Подростешь, тогда узнаешь,
Какъ въ ночи не спать . . .
Хоть гостей не ожидаешь,
Принимать ихъ не желаешь,
Надо ихъ впускать.

На Руси сонъ безмятежный
Лишь того удѣлъ,
Кто слыветъ благонадежнымъ
И къ теоріямъ мятежнымъ
Тяготѣть не смѣлъ.

Digitized by Google

Кто всю жизнь тропинкой торпой
Смирно, чинно шелъ,
Кто всегда властямъ покорный,
Въ сдѣлкахъ съ совѣстью позорныхъ,
Жизнь свою провелъ.

Кто не зналъ воодушевленья
Юношескихъ дней
И глядѣлъ безъ возмущенья
На страданья, угнетенья
Остальныхъ людей . . .

Спи пока — твой часъ настанетъ,
Будетъ не до сна,
Мысль твоя работать станетъ
И съ горячностью возстанетъ
Противъ лжи и зла.

Въ эти дни, дни золотые
Юности святой,
Всѣ задачи вѣковыя,
Всѣ вопросы роковые
Встанутъ предъ тобой.

И мечты о личномъ счастьи
Бросишь ты тогда,
Съ жаромъ юной, честной страсти,
Весь ея отдавшись власти,
Ты пойдешь туда, —

Digitized by Google

Гдѣ собралась воедино
Мощная семья
Пролетарья исполина, —
Все растущая дружина
Рыцарей труда . . .

Съ той поры, сынокъ родимый,
Распростись со сномъ,
Всюду, точно звѣрь травимый,
Сынъ, отчизны нелюбимый,
Позабудь о немъ!

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Тихо, сладко спи!
Ты пока еще не „красный“,
Обыватель неопасный
И гостей не жди.

---

* * *

Реакціи дикой свирѣпый поборникъ,
Дивя проходящій народъ,
Въ овчинномъ тулупѣ на улицѣ дворникъ
Сидитъ у закрытыхъ воротъ.

Digitized by Google

И снится ему, что при сей оборонѣ,
Нелѣпый, но грозный на видъ,
Такой же, какъ онъ, на наслѣдственномъ тронѣ
Безграмотный дворникъ сидитъ.

---

* * *

Арестованъ! — ворвались ночью гурьбой.
И въ столахъ, и въ шкапахъ перерыли,
Если бъ можно они бы нахальной рукой
Даже сердце и душу раскрыли . . .
Пересмотрѣны книги, измяты листы,
Изъ альбомовъ всѣ карточки взяты,
Взяты письма, замѣтокъ клочки, дневники,
Все разсмотрѣно, брошено, смято!
Ворвалися нахально въ святыню души,
До всего прикоснулись руками
И забрали потомъ, чтобъ въ тюремной тиши
Наслаждался бы въ волю мечтами! . . .
Арестованъ! . . . Какъ грома ударъ тѣ слова
Поразили пришедшаго друга;
Въ опустѣвшую комнату съ грустью вошла,
Съ безконечною болью подруга.

Digitized by Google

Здѣсь вчера еще вмѣстѣ смѣялись они,
Вспоминая минувшіе годы,
Договоръ заключали совмѣстной борьбы
За идею добра и свободы . . .
Онъ былъ полонъ веселія, жизни огня,
Онъ мечталъ неустанно трудиться,
И мечтами его заражалась она,
И казалось, — мечты должны сбыться! . . .
А сегодня? — ворвались въ святыню души,
До всего прикоснились руками
И забрали потомъ, чтобъ въ тюремной тиши
Наслаждался бы въ волю мечтами!

Вѣтеръ.

Что ты плачешь, вѣтеръ, стонешь, замирая?
Ты куда несешься? Изъ какого края?
Безъ пути, пріюта, страждущій, бездомный?
Мечешься, какъ голубь, надъ равниной темной?

Отвѣчаетъ вѣтеръ, глухо завывая:
Много слезъ я видѣлъ, надъ землей летая.
Въ дальней деревушкѣ, бѣдной, неприглядной
Слышалъ плачъ крестьянскій, ропотъ безотрадный.

Digitized by Google

Въ городахъ цвѣтущихъ слышалъ стонъ
голодныхъ,
Лязгъ станковъ рабочихъ, свистъ ремней при-
водныхъ,
Проститутокъ нищихъ горостныя лица;
И отъ смрадныхъ фабрикъ мчался я, какъ птица.

На пути я встрѣтилъ честную дружину,
Море братской крови залило равнину,
Трупы освѣщало солнце съ небосклона,
И, какъ вѣстникъ смерти, я влачилъ знамена.

Долго, долго мчался. Вдругъ въ странѣ
пустынной
Вижу мрачный замокъ, каменный, старинный.
Часовые ходятъ, сторожатъ могилы . . .
Дальше не леталъ я . . . Не хватило силы.

Пѣсни узниковъ.

(Завѣщаніе Ю. Богдановича.)

Искалъ онъ къ правдѣ путь далекій
Въ юдоли лжи и темныхъ дѣлъ.
Его окуталъ мракъ глубокій,
И съ неба свѣточъ не горѣлъ.

Digitized by Google

Но въ мірѣ гнета и стяжаній,
Гдѣ трудно къ истинѣ идти,
Онъ видѣлъ въ трепетномъ сіяньи
Могилы павшихъ на пути.

И съ нихъ любви нетлѣнный пламень
Ему дорогу оствѣтилъ,
И не споткнулся онъ о камень
Въ хаосѣ лжи и темныхъ силъ.

М.

---

* * *

Пускай горька неволи чаша
И безотрадна доля наша!
Но мы и здѣсь въ тюрьмѣ глухой
Бодры и сердцемъ и душой.
И пусть страданья впереди
Тяжелыя насъ ждутъ!
Но и въ измученной груди
Они у насъ замрутъ.

В. П—въ.

Digitized by Google

* * *

Намъ выпало счастье — всѣ лучшія силы
Въ борьбѣ за идею всецѣло отдать,
Теперь же готовы мы вплоть до могилы
За дѣло свободы терпѣть и страдать.
Терпѣть безъ укоровъ, страдать безъ проклятій,
Спокойно и гордо въ тиши угасать
И тихимъ страданьемъ своимъ юныхъ братій
На бой за свободу и равенство звать.

В. Фигнеръ.

Зимой.

Полно убиваться,
Полно тосковать!
Пусть снѣга кружатся
Подъ окномъ опять!
Пусть мятель ссыпаетъ
Горы у воротъ, —
Лѣтомъ все ростаетъ
И снѣга, и ледъ.

Digitized by Google

Полно убиваться,
Полно тосковать!
Пусть невзгоды злятся
Надъ тобой опять.
Пусть вражда пускаетъ
Всѣ гоненья въ ходъ, —
Лѣтомъ все растаетъ,
И вражда, и гнетъ.

Н. Морозовъ.

Друзья.

(Посвящается В. Фигнеръ.)

Въ долгой, тяжелой разлукѣ
Цѣлые годы прошли;
Горя, страданья и муки
Много они принесли.
Сталъ я о волѣ смутнѣе
Помнить, какъ будто во снѣ;
Только друзья все яснѣе
Припоминаются мнѣ.

Digitized by Google

Часто сквозь сумракъ темницы,
Въ душной каморкѣ моей,
Вижу я смѣлыя лица
Вѣрныхъ народу людей.
Словно какъ будто живые,
Въ этой тиши гробовой,
Образы ихъ дорогіе
Ясно встаютъ предо мной.
Все здѣсь они оживляютъ,
Все согрѣваютъ они,
Быстро въ душѣ пробуждаютъ
Вѣру въ грядущіе дни.
Кажется, — вотъ раздается
Голосъ ихъ здѣсь въ тишинѣ,
Словно струя пронесется
Воздуха съ вами ко мнѣ.
Знаю я — темныя силы
Ихъ не согнутъ передъ зломъ;
Будутъ они до могилы
Биться съ народнымъ врагомъ.

Н. Морозовъ.

1875 г. Петропавловская крѣпость.

Digitized by Google

Погибшимъ борцамъ.

Пали всѣ лучшіе, въ землю зарытые
Въ мѣстѣ пустынномъ и дикомъ легли,
Кости, слезою ни чьей не омытыя,
Руки чужія въ могилу снесли.

Нѣтъ ни крестовъ, ни оградъ, и могильная
Надпись объ имени павшихъ молчитъ.
Долу склонилася травка безсильная,
Землю прикрыла и тайну хранитъ.

Были свидѣтелемъ волны кипучія
Гнѣвно вздымаются, берегъ грызутъ,
Но и онѣ, эти волны могучія,
Родинѣ вѣсточку вдаль не снесутъ.

В. Фигнеръ.

Къ другу въ заточеніи.

Когда твое сердце охватитъ печаль,
То вспомни, что скрыта грядущая даль
Въ туманѣ отъ нашего взора;
Что жизнь наша часто мученій полна,
Но вдругъ озаряется свѣтомъ она,
Какъ полночь огнемъ метеора.

Digitized by Google

Въ суровые дни испытаній и бѣдъ
Ты помни вселенной бодрящій завѣтъ,
Который гласитъ всѣмъ скорбящимъ:
Во имя надежды, во имя любви,
Въ несчастьи грядущимъ и прошлымъ живи,
А въ счастьи живи настоящимъ.

Н. Морозовъ.

---

* * *

Что ты, бѣдное сердцѣ, тоскуешь?
Что такъ бьешься, трепещешь въ груди?
Или, вѣщее, ты уже чуешь,
Что несвѣтлые дни впереди?

Или ты вспоминаешь былое?
Прежнихъ лѣтъ воскрешаешь мечты;
Время юныхъ годовъ золотое,
И не можешь забыть его ты?

Или ты жаждешь живого участья,
Счастья, воли, простора полей,
Жаждешь ты отъ борьбы, отъ ненастья
Отдохнуть на груди у друзей?

Digitized by Google

— Да, я жажду свободы широкой,
Жизни полной труда и заботъ,
Но твердыня ограды высокой
Крѣпко насъ отъ нея стережетъ.

Хоть бы день лишь одинъ мнѣ свободы,
Чтобъ вздохнуть отъ мертвящихъ оковъ,
Чтобъ красой насладиться природы
И привольемъ полей и лѣсовъ!

— Да, я жажду живого участья,
Жажду близкаго друга имѣть,
Но лишь грезами личнаго счастья
Сердца мнѣ моего не согрѣть.

И я жду терпѣливо разсвѣта . . .
Тяжело, пусть, и горько мнѣ здѣсь
Все же бремя тяжелое это
До конца буду гордо я несть.

С. Ивановъ.

Утрата.

Пять дней какъ безъ вѣсти пропалъ
Работникъ Яковъ молодой.
Старикъ-отецъ все ждалъ и ждалъ,
Найдетъ-ли сынъ его домой.

Digitized by Google

Но сынъ не шелъ . . . Нѣтъ больше силъ!
Изныло сердце старика.
Тяжелый страхъ его давилъ;
Съѣдала тайная тоска.
„Мой сынъ!“ Нигдѣ, ни у кого
Не находилъ его старикъ.
„Здѣсь нѣтъ-ли сына моего?“
Твердилъ одно его языкъ:
„Пять дней, какъ безъ вѣсти пропалъ
Мой сынъ, мой Яковъ дорогой . . .
Скажите, кто его встрѣчалъ?
Скажите, гдѣ же Яковъ мой?“
Но всѣ молчатъ предъ старикомъ . . .
Вдругъ кто-то крикнулъ: „онъ въ тюрьмѣ!“
И мысль, внезапная какъ громъ.
Мелькнула вдругъ въ его умѣ.
„Впередъ, скорѣй!“ И онъ спѣшитъ,
Случится, просится въ тюрьму.
„Пустите!“ — стражѣ говоритъ, —
Пустите къ сыну моему . . .
Онъ здѣсь, за этою стѣной.
Мой сынъ, мой Яковъ дорогой! . . .“
Но грубъ и рѣзокъ былъ отвѣтъ:
„Ступай назадъ! Здѣсь сына нѣтъ!“
Тогда старикъ, что было силъ,
Скорѣй къ жандармамъ поспѣшилъ . . .

Digitized by Google

Невольнымъ ужасомъ объятъ
И злымъ предчувствіемъ томимъ,
Онъ въ нихъ вперилъ безумный взглядъ
И говорилъ безсвязно имъ:
„Онъ здѣсь, онъ живъ, онъ невредимъ?
Неправда-ль, я найду его?
Скажите: да? Скажите, съ нимъ
Тутъ не случилось ничего?
О посмотрите! Я въ огнѣ,
Я весь измучился душой . . .
Я старъ и слабъ . . . Скажите мнѣ,
У васъ-ли, живъ-ли Яковъ мой?“
— „Ступай назадъ!“ — гремитъ отвѣтъ:
„Сынъ до двѣнадцати лишь лѣтъ
Твоимъ считался, — а потомъ
Ужъ мы заботимся о немъ.
Онъ нашъ. „Ступай!“ И старика
Схватила звѣрская рука
И грубо вытолкнуло вонъ . . .
И вновь съ себѣ вернулся онъ,
Гдѣ, наконецъ, въ кругу друзей
Добился правды роковой:
Руками подлыхъ палачей
Замученъ Яковъ молодой.
Какъ звѣри лютые они
Въ тюрьмѣ бросались на него,

Digitized by Google

Морили голодомъ всѣ дни
И жаждой мучили его.
Онъ изнемогъ, бродилъ, какъ тѣнь,
И молча пытки выносилъ.
Но, наконецъ, на пятый день
Ударилъ въ дверь, что было силъ.
„Воды! — кричалъ онъ имъ, — скорѣй!“
И вотъ мучители его,
Какъ псы голодные съ цѣпей,
Сорвались прямо на него
И въ тѣло бѣдное впились,
И били, били безъ конца,
Покуда власть не напились
Ихъ кровожадныя сердца,
Покуда онъ въ рукахъ у нихъ
Весь трепеталъ отъ ранъ и мукъ,
Покуда къ ночи не затихъ
Въ его груди послѣдній звукъ . . .
А ночью . . . бережно . . . во тьмѣ
Его на кладбище свезли,
Сказавъ, что мертваго нашли,
Что онъ повѣсился въ тюрьмѣ . . .
Туда бросается старикъ.
„Пустите! — молитъ онъ съ тоской:
Здѣсь сынъ мой, Яковъ дорогой!“
Но сторожъ мраченъ и суровъ,

Digitized by Google

И гонитъ прочь безъ дальнихъ словъ.
„Ступай назадъ! — онъ говоритъ, —
Здѣсь только мертвымъ входъ открытъ!“
— „Ступай!“ — твердитъ за нимъ старикъ,
Не понимая ничего.
И вдругъ безумный, страшный крикъ
Изъ сердца вырвался его.
А вслѣдъ за нимъ раздался смѣхъ
Потомъ рыданье . . . А потомъ
Безумный спрашивалъ у всѣхъ
О бѣдномъ Яковѣ своемъ . . .
Вездѣ, кого бы не встрѣчалъ,
Тоской измученный старикъ,
Съ тревогой тайною шепталъ,
Твердилъ одно его языкъ.
Глубокой грустью у него
Всегда горѣлъ безумный взоръ:
„Здѣсь нѣтъ-ли сына моего?“
Онъ всюду спрашивалъ съ тѣхъ поръ.

Digitized by Google

Арестантъ.

Ночь темна. Лови минуты!
Но стѣна тюрьмы крѣпка,
У воротъ ея замкнуты
Два желѣзные замка.

Да горитъ вдоль корридора
Огонекъ сторожевой,
И звеня, о шпору шпорой,
Ходитъ мѣрно часовой.

„Часовой!“ — „Что баринъ надо?“
„Притворись, что ты заснулъ:
Я бы вмигъ черезъ ограду
Тѣнью быстрой промелькнулъ!

Край родной мнѣ видѣть нужно,
Да друзей поцѣловать,
А потомъ пришелъ бы снова
Въ казематъ я умирать!“

— „Радъ помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, тоже я!
Пуля, баринъ, ничего бы,
Да боюсь я батожья!

Digitized by Google

Посѣдѣлъ подъ шумъ военный . . .
А сквозь полкъ какъ проведутъ,
Только трупъ окровавленный
На телѣжкѣ увезутъ!“

Шопотъ смолкъ . . . Все тихо снова . . .
Гдѣ-то Богъ подастъ пріютъ?
Пль схоронятъ здѣсь живого?
Иль на каторгу ушлютъ?

Будетъ вѣчно цѣпь надѣта
Да начальство станетъ бить . . .
Ни ножа, ни пистолета,
Чѣмъ бы жизнь укоротить.

Н. Огаревъ.

Къ арестанту.

Мой привѣтъ тебѣ, братъ по несчастью!
Ты, какъ я же, сталъ жертвой цѣпей!
Погубило насъ жизни ненастье:
Трусость, глупость и злоба людей!

Digitized by Google

Не такого-бъ ты стоилъ удѣла,
Полный жизни, энергіи, силъ —
Вѣрный рыцарь великаго дѣла,
Ты любимымъ бы былъ и любилъ.

Но не то тебѣ пало на долю:
Ты аскетомъ всю жизнь проведешь,
Изъ тюремной лишь выйдешь неволи,
Какъ въ тюрьму ты опять попадешь.

И всю жизнь, какъ бродяга скитаясь
Слово правды вездѣ разнесешь;
Но за счастьемъ людскимъ вѣкъ гоняясь,
Своего ты нигдѣ не найдешь!

Но во многомъ найдешь ты отраду:
Въ томъ, что честно исполнилъ свой долгъ,
Что страдалъ за любовь и за правду,
Что твой подвигъ былъ труденъ и долгъ.

И что былъ онъ свершенъ не напрасно,
Какъ отшельника подвигъ тупой,
Что, бичуя себя ежечасно,
Истомляетъ безплодной борьбой.

Нѣтъ, погибнешь ты, братъ мой, недаромъ!
Что ты сѣялъ, то все и взойдетъ;
Все, чему ты училъ съ юнымъ жаромъ,
Все въ народѣ свой откликъ найдетъ!

Digitized by Google

Глубоко западутъ въ его душу
Сѣмена тѣ на зло людямъ тьмы:
Ихъ не вырветъ суровая стужа
Русской вселеденящей зимы.

Грозенъ будетъ тотъ откликъ народа!
Громче звона его кандаловъ,
Громче яростныхъ воплей враговъ
Прозвучитъ это слово „свобода!“

Рухнетъ старый союзъ бюрократа,
Фабриканта, попа и солдата;
Какъ видѣнье тяжелаго сна,
Вѣковая исчезнетъ тюрьма!

Рухнетъ съ виду столь прочное зданіе
Такъ какъ въ самомъ его основаніи
Потточилъ его старый термитъ,
Человѣческихъ силъ паразитъ.

И на грудахъ костей твоихъ братій
Оснуется то царство любви,
Гдѣ не будетъ ужъ слышно проклятій,
Стоновъ жертвъ, затопленныхъ въ крови.

Digitized by Google

Слуша — ай!

Какъ дѣло измѣны, какъ совѣсть тирана,
Осенняя ночка темна,
Темнѣе той ночи встаетъ изъ тумана
Видѣніемъ мрачнымъ тюрьма.
Кругомъ часовые шагаютъ лѣниво,
Въ ночной тишинѣ — то и знай,
Какъ стонъ раздается протяжно, тоскливо
Слуша — ай! . . .

Хоть плотны высокія стѣны ограды,
Желѣзные крѣпки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиковъ взгляды,
И всюду сверкаютъ штыки,
Хоть тихо внутри, но тюрьма — не кладбище.
И ты, часовой, не плошай,
Не вѣрь тишинѣ, берегися, дружище!
Слуша — ай! . . .

Вотъ узникъ вверху за рѣшеткой желѣзной
Стоитъ, прислонившись къ окну,
И взглядъ устремилъ онъ въ глубь ночи безъ-
звѣздной,
Все словно впился въ тишину . . .

Digitized by Google

Ни звука... Порой лишь собака зальется,
Да крикнетъ сова невзначай,
Да мѣрно внизу подъ окномъ раздается:
Слуша — ай!...

„Не дни и не мѣсяцы — долгіе годы
Въ тюрьмѣ осужденъ я страдать,
А бѣдное сердце такъ жаждетъ свободы,
Нѣтъ, больше не въ силахъ я ждать!
Здѣсь штыкъ или пуля, тамъ воля святая...
Эхъ! темная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная...
Слуша — ай!...

Чу!... шорохъ, — вотъ кто-то упалъ, приподнялся,
И два раза щелкнулъ курокъ,
Вотъ что-то сверкнуло, и выстрѣлъ раздался,
И ожилъ мгновенно острогъ...
Огни замелькали, забѣгали люди...
„Прощай, жизнь! свобода, прощай!“
Вырвалось воплемъ изъ раненной груди...
Слуша — ай!...

И снова все тихо, — на небѣ несмѣло
Луна показалась на мигъ,
И словно сквозь слезы, изъ тучъ поглядѣла
И скрыла заплаканный ликъ...

Digitized by Google

Кругомъ часовые шагаютъ лѣниво,
Въ ночной тишинѣ, то и знай,
Какъ стонъ раздается протяжно, тоскливо:
Слуша — ай! . . .

Мих. Ил. Михайловъ.

Пѣсни о волѣ.

I.

Въ камерѣ холодно . . . Полночь глухая . . .
Тускло лампада горитъ.
И тишина надъ тюрьмою нѣмая
Сномъ непробуднымъ царитъ . . .

Крѣпки замки и засовы тяжелые;
Зорокъ солдатъ на часахъ;
Прочно окованы двери дубовыя . . .
И кандалы на ногахъ . . .

Но не сковать ими вольныхъ желаній!
Мысли о волѣ нельзя задавить;
Живъ „человѣкъ“ и въ тюрьмѣ за замками,
Будетъ и жажда свободы въ немъ жить!

Digitized by Google

Мысли о счастьи, мысли о волѣ
И за тюремной рѣшеткой сильны:
Узнику въ тяжкихъ цѣпяхъ и неволѣ
Грезятся часто они . . .

Тихо подпилкомъ оковы холодные
Пилитъ колодникъ лихой, —
Думы веселыя, пѣсни свободныя
Рѣютъ въ душѣ молодой! . . .

Кончилъ работу; разбиты оковы!
Гордо колодникъ встаетъ,
Жизни за волю лишиться готовый,
Быстро къ окну онъ идетъ.

Смѣло, увѣренно всталъ на окошко;
Грудью рѣшетку нажалъ . . .
Юность сильна: поддалася рѣшетка, —
Вольнымъ колодникъ нашъ сталъ!

Разомъ онъ прыгнулъ, упалъ, приподнялся.
Выстрѣлъ за нимъ прогремѣлъ . . .
Юный колодникъ далеко ужъ мчался, —
Пѣсни о волѣ ужъ пѣлъ:

„Рабскія цѣпи влачилъ я въ тюрьмѣ . . .
„Цѣпи разбиты . . . Свободу себѣ

Digitized by Google

„Смѣло я взялъ!
„Счастье и долю,
„Вольную волю
„Съ бою отнялъ
„Я у врага! . . .
„Жизнь дорога, —
„Все же свобода милѣе:
„Смерти неволя тошнѣе!“

II.

Родина милая наша въ нуждѣ
Въ рабствѣ жестокомъ оковы несетъ!
Бѣденъ, забитъ, изнывая въ трудѣ,
Стонетъ рабочій народъ!

Наша свобода въ колодкахъ забита;
Мы, какъ въ тюрьмѣ, и на волѣ живемъ . . .
Правда и совѣсть въ народѣ убиты, —
Цѣпи одни мы „свободно“ несемъ!

Цѣпи помѣщичьи, цѣпь капитала:
Царскія цѣпи насъ давятъ и жмутъ!
Время совать ихъ давно ужъ настало:
Воли-свободы всѣ ждутъ!

Digitized by Google

Эхъ, пробудись ото сна вѣковѣчнаго
Русскій рабочій народъ! . . .
Душу и тѣло сковали оковы, —
Сбей ихъ! И смѣло впередъ
Двинься на бой
Съ рабствомъ, нуждой!

Царство насилья, господство кнута
Царствомъ свободы, господствомъ труда
Ты замѣни!
Жадныхъ піавокъ, сосущихъ народъ,
Царскихъ приспѣшниковъ всякихъ породъ
Ты прогони!
Волю, свободу,
Счастье народу
Смѣло возьми! . . .

По выходѣ изъ тюрьмы.

Тяжко мнѣ . . . но не хочу я
Съ злой судьбой моей мириться.
Я одинъ . . . Но не могу я
Съ силой темною не биться.

Digitized by Google

Я погибну . . . ну такъ что же?
Коль мое погибнетъ тѣло,
Будетъ духъ мой также биться
Все за то-жъ святое дѣло!
Я желалъ бы сонъ нарушить,
Сытыхъ счастіе разрушить,
Мракъ развѣять, разогнать!
Всѣмъ униженнымъ, скорбящимъ,
Всѣмъ о счастіи молящимъ
Я желалъ бы счастье дать!
Я желалъ бы это счастье
Съ бою взять народной властью!
Слабыхъ духомъ поддержать,
Унижающихъ унизить,
Обижающихъ обидѣть,
Въ мертвыхъ снова жизнь вдохнуть!
Весь вашъ міръ возненавидѣть!
Весь вашъ строй перевернуть!

Слесарь.

---

* * *

Милый другъ, я умираю,
Оттого, что былъ я честенъ,
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Digitized by Google

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою,
И тебя благословляю,
Шествуй тою же стезею.

Н. Добролюбовъ.

Завѣщаніе.

Здѣсь умирая, въ казематахъ,
Мы завѣщаемъ всѣмъ друзьямъ
За муки бѣднаго народа
Отмстить врагамъ!

Самой судьбѣ бросайте вызовъ,
Ужъ разъ къ врагу она пошла,
Съ нимъ противъ братства и свободы
Въ союзъ вошла!

Когда же, въ часъ побѣды свѣтлой,
Разволновавшаяся кровь
Утихнетъ въ сердцѣ — завѣщаемъ
Одну любовь!

Digitized by Google

Пускай тогда межъ вами, братья,
Не будетъ нищихъ, богачей,
Ни вѣчно загнанныхъ страдальцевъ,
Ни палачей!

Вы храмъ воздвигните науки
На мѣсто храма лжи и тьмы,
И храмъ свободы лучезарной
Взамѣнъ тюрьмы!

Пусть край родной не оглашаетъ
Ни стонъ страдающихъ людей,
Ни свистъ бича, ни громъ орудій,
И звонъ цѣпей!

Святая личность человѣка
И честность мысли и труда
Пускай находятъ уваженье
У васъ всегда!

Когда жъ блеснетъ заря спасенья,
Настанетъ братства свѣтлый часъ,
Въ счастливой жизни вспомяните
Друзья и насъ!

Digitized by Google

Могила бойца.

(Изъ А. Петефи.)

Врагомъ замученный въ неволѣ,
Сномъ вѣчнымъ братъ нашъ опочилъ,
Ликуетъ недругъ, видя въ полѣ
Лишь рядъ безвременныхъ могилъ.

Но дѣло доблести суровой
Съ бойцомъ погибшимъ не умретъ,
И новый рыцарь съ силой новой
На смѣну павшему придетъ.

Проклятье робкому сомнѣнію!
Чѣмъ больше павшихъ — больше силъ:
Намъ путь позорный къ отступленію
Могильный холмъ загородилъ!

Памяти друга.

О смерти твоей услыхалъ я въ тырьмѣ,
Товарищъ и другъ мой несчастный!
Да будетъ же вѣчная память тебѣ
И миръ послѣ жизни ненастной!

Digitized by Google

Въ холодной Сибири, вдали отъ друзей
Погибъ ты замученъ неволей . . .
Но плакать-ли намъ надъ могилой твоей,
Надъ горькой, безрадостной долей?

О, плакать бы стоило, если-бъ могло
Изъ слезъ нашихъ мщенье родится . . .
Тираны и деспоты! — время пришло,
Пора намъ, пора расплатиться!

Давайте же, друга-борца схоронивъ,
Живые покрѣпче сплотимся!
За дѣло народное въ битву вступивъ,
Съ щитомъ иль на немъ возвратимся!

И пусть насъ по тюрьмамъ сажаютъ,
Ломаютъ, калѣчатъ и гнутъ, —
Мощь наша растетъ, выростаетъ,
Окрѣпнетъ и скоро сломаетъ
Оковы неправедныхъ путъ!

М. Андрійко.

Digitized by Google

Послѣднее прости.

(Замученному въ острогѣ Чернышеву, борцу за народное дѣло.)

Замученъ тяжелой неволей,
Ты славною смертью почилъ . . .
Въ борьбѣ за народное дѣло
Ты голову честно сложилъ.

Служилъ ты недолго, но честно
Для блага родимой земли . . .
И мы, — твои братья по дѣлу, —
Тебя на кладбище снесли . . .*)

Нашъ врагъ надъ тобой не глумился . . .
Кругомъ тебя были свои . . .
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиныя очи твои . . .

*) Арестованный по большому процессу пропагандистовъ, Чернышевъ былъ освобожденъ въ 1876 году за нѣсколько дней до смерти. На его похороны собралась масса студентовъ и другой сочувствующей интеллигенціи. Гробъ всю дорогу несли на рукахъ. Проходя мимо дома предварительнаго заключенія процессія остановилась и студенты нѣсколько разъ хоромъ пропѣли ему „Вѣчную память". Всѣмъ останавливавшимся прохожимъ объясняли въ чемъ дѣло. Похороны превратили въ демонстрацію, произведшую сильное впечатлѣніе.

Digitized by Google

Не горе намъ душу давило,
Не слезы блистали въ очахъ,
Когда мы, прощаясь съ тобою,
Землей засыпали твой прахъ.

Нѣтъ, злоба насъ только душила!
Мы къ битвѣ съ врагами рвались
И мстить за тебя безпощадно
Надъ прахомъ твоимъ поклялись . . .

Съ тобою одна намъ дорога:
Какъ ты, мы по тюрьмамъ сгніемъ . . .
Какъ ты, — для народнаго дѣла
Мы головы наши снесемъ;

Какъ ты, — мы, быть можетъ, послужимъ
Лишь почвой для новыхъ людей,
Лишь грознымъ пророчествомъ новыхъ,
Глядущихъ и доблестныхъ дней . . .

Но знаемъ, какъ зналъ ты, родимый
Что скоро изъ нашихъ костей
Подымется мститель суровый
И будетъ онъ насъ посильнѣй.

Digitized by Google

* * *

Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой
Любви беззавѣтной къ народу,
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу!

Порой изнывали вы въ тюрьмахъ сырыхъ;
Свой судъ безпощадный надъ вами
Враги-палачи изрекли, и на казнь
Пошли вы, гремя кандалами.

А деспотъ пируетъ въ роскошномъ дворцѣ,
Тревогу виномъ, заливая,
Но грозныя буквы давно на стѣнѣ
Чертитъ ужъ рука роковая!

Настанетъ пора, и проснется народъ,
Великій, могучій, свободный!
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Вашъ доблестный путь, благородный!

Digitized by Google

Два стана.

Въ мірѣ два стана, нещадно враждующихъ;
Въ первомъ — съ побѣдно поднятой главой
Сонмы веселыхъ, безпечныхъ, ликующихъ,
Сытыхъ, довольныхъ собой;
Сонмы терзающихъ силы народныя,
Нагло сосущихъ народную кровь,
Топчущихъ въ грязь все святое, свободное —
Честь, идеалъ и любовь.
Съ сердцемъ заплывшимъ, душой пресыщенною,
Всюду внося съ собой ложь и развратъ,
Все попираютъ стопой загрязненною,
Куплей-продажей клеймятъ.
Совѣсть и честь для нихъ звуки забытые,
Изгнаны, правда, любовь, идеалъ;
Соки народные, въ золото слитые, —
Вотъ гдѣ ихъ богъ, ихъ Ваалъ.
Вѣчная праздность, разгулъ нескончаемый,
Пьянство, обжорство, безстыдный развратъ,
Наглая ложь, произволъ нескрываемый
Здѣсь безпредѣльно царятъ . . .

Digitized by Google

Въ станѣ другомъ милліоны униженныхъ,
Стонущихъ тяжко подъ гнетомъ оковъ,
Счастья не знающихъ, рокомъ обиженныхъ,
Цѣпи влачащихъ рабовъ;
Вѣчно надломленныхъ, вѣчно страдающихъ,
Молотомъ, ломомъ, сохой, топоромъ
Жизнь и здоровье свое надрывающихъ
Надъ непосильнымъ трудомъ:
Хищныя стаи жестокихъ мучителей,
Алчныхъ вельможъ и жестокихъ царей,
Царскихъ холоповъ, чиновныхъ грабителей
Кровью питаютъ своей . . .

Только не вѣчно имъ рабство позорное,
Гнетъ ненавистный смиренно нести;
Кончится скоро молчанье покорное,
И задрожатъ палачи . . .
Близокъ ужъ часъ, ужъ борьба разгорается,
Мракъ безпросвѣтный не такъ ужъ гнететъ:
Это свободы заря занимается,
Это народъ возстаетъ . . .

Digitized by Google

Ткачи.

(Изъ Гейне.)

Глаза ихъ сухіе не блещутъ слезами;
Сидятъ у станковъ и скрежещутъ зубами:
„Германія, саванъ тебѣ мы соткемъ,
Въ него мы тройное проклятье вплетемъ.“
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

„Проклятіе Богу, предъ кѣмъ мы съ мольбою
Склонялися въ голодъ и холодъ зимой!“
Напрасно мы ждали, надежды полны,
Онъ насъ обманулъ, одурачены мы.
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

„Проклятье ему, королю всѣхъ счастливыхъ!“
Не жаль ему насъ, бѣдняковъ терпѣливыхъ;
Послѣдній онъ грошъ отнимаетъ у насъ;
„Стрѣлять по собакамъ!“ — онъ отдалъ приказъ!
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

„Проклятье тебѣ, о нашъ край лицемѣрный,
Гдѣ царствуетъ стыдъ и позоръ безпримѣрный,
Гдѣ вянетъ безъ свѣта цвѣтокъ полевой,
Гдѣ кормится тлѣньемъ червякъ гробовой!
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!“

Digitized by Google

„Челнокъ снуетъ, станокъ гремитъ,
И день, и ночь все ткачъ сидитъ:
„Мы старой Германіи саванъ соткемъ,
Въ него мы тройное проклятье вплетемъ.
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!“

Пѣсня о рубашкѣ.

(Томаса Гуда.)

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ . . .
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьи сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ . . .
Шьетъ — шьетъ — шьетъ
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ —
Поетъ о рубашкѣ она.

„Работай! работай! работай,
Едва пѣтухи прокричатъ!
Работай! работай! работай,
Хоть звѣзды сквозь кровлю глядятъ!

Digitized by Google

Ахъ, лучше бы мнѣ пропадать
Въ неволѣ у злыхъ басурманъ!
Тамъ нечего женщинѣ душу спасать,
Какъ надо у насъ, христіанъ.

„Работай! работай! работай,
Пока не сожметъ головы, какъ въ тискахъ!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнетъ въ глазахъ!
Строчку — ластовку — воротъ —
Воротъ — ластовку — строчку . . .
Повалитъ-ли сонъ надъ шитьемъ — и во снѣ
Строчишь все, да рубишь сорочку.

„О, братья любимыхъ сестеръ,
Опора любимыхъ супругъ, матерей!
Не холстъ на рубашкахъ вы носите — нѣтъ!
А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей! . . .
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
Рубашку и саванъ одною иглой
Я шью изъ того жъ полотна!

„Но что мнѣ до смерти? Ея не боюсь,
И сердце не дрогнетъ мое,
Хоть тотчасъ костлявая гостья приди.
Я стала похожа сама на нее,

Digitized by Google

Похожа отъ голоду я на нее . . .
Здоровье не явится вновь.
О Боже! зачѣмъ это дорогъ такъ хлѣбъ,
Такъ дешевы тѣло и кровь?

„Работай! работай! работай,
Мой трудъ безконечно жестокъ.
А плата? Отрепье, солома въ углу,
Да черстваго хлѣба кусокъ.
Скамейка да столъ — голый полъ,
Убогая кровля сквозится . . .
И то любо мнѣ, какъ на сѣрой стѣнѣ
Порой моя тѣнь отразится.

„Работай! работай! работай,
Отъ боя до боя часовъ!
Работай! работай! работай,
Какъ каторжникъ въ тьмѣ рудниковъ!
Строчка — ластовка — воротъ —
Воротъ — строчка рубецъ . . .
Застелетъ глаза, онѣмѣетъ рука,
И сердце замретъ подъ конецъ.

„Работай! работай! работай,
Когда ледѣнѣетъ въ окошкѣ стекло.
Работай! работай! работай,
Когда и тепло и свѣтло —

Digitized by Google

И ласточки, къ выступамъ кровли лѣпясь,
Щебечутъ въ сіяніи дня
И кажутъ мнѣ яркія спинки свои,
И дразнятъ весною меня.

„О! только бы разъ подышать
Дыханьемъ луговъ, полевыми цвѣтами!
Вверху только небо одно,
Трава и цвѣты подъ ногами.
О, только бы часъ лишь прожить
Блаженствомъ младенческихъ лѣтъ
Когда я не знала, что буду цѣнить
Дороже прогулки обѣдъ!

„О! Только бы часъ лишь одинъ!
Лишь мигъ! . . . Чтобъ душа ожила . . .
Любовь и надежда! И мига вамъ нѣтъ:
Все время печаль отняла.
Поплакать бы — легче бы сердцу отъ слезъ . . .
Нѣтъ, слезы мои, не теките!
Иголкѣ моей не мѣшайте вы шить,
Шитья моего не мочите!“

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ;
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьи сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ . . .

Digitized by Google

Шьетъ — шьетъ — шьетъ
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ . . .
Иль пѣсня та къ вамъ, богачи, не дойдетъ? . . .
Поетъ о рубашкѣ она.

„Вольный рабочій.“

Улицей узкою, шумной и бѣдной
Шелъ опустивъ воспаленныя очи,
Въ грязныхъ лохмотьяхъ, дрожащій и блѣдный,
„Вольный рабочій“ . . .

Вольный! Онъ можетъ, гдѣ хочетъ, скитаться,
Можетъ бродить онъ по улицамъ шумнымъ,
Можетъ онъ плакать и можетъ смѣяться
Смѣхомъ безумнымъ.

Можетъ стучаться онъ въ каждыя двери:
Голода муки никто не замѣтитъ, —
Сытые люди бездушны, какъ звѣри,
Смѣхъ лишь онъ встрѣтитъ.

Digitized by Google

Съ горькимъ проклятьемъ и жгучимъ укоромъ
Можетъ замерзнуть онъ ночью холодной,
Иль умереть гдѣ-нибудь подъ заборомъ
Смертью голодной.

Что же онъ сталъ? Иль себя онъ боится?
Дико глядятъ воспаленныя очи . . .
Что ему нужно? Вѣдь воленъ, какъ птица,
„Вольный рабочій“ . . .

Батракъ.

(Изъ Маріи Конопницкой.)

Въ колосьяхъ желтѣющихъ нивъ утопая,
По узкой межѣ, сквозь рѣдѣющій мракъ,
Въ убогой сермягѣ, кряхтя и вздыхая,
Проходитъ свободный батракъ.

Названье и правда еще не бывали,
Казалось, отъ вѣка въ разладѣ такомъ!
Еще не свѣтилось подобной печали
Во взорѣ разумномъ — людскомъ!

Digitized by Google

Тотъ годъ былъ тяжелый: по всходамъ промчался
Серебряный бичъ многоводныхъ дождей,
И пахарь лишь плевелъ безплодныхъ дождался
Съ заплаканной нивы своей.

За подати выгнанъ, какъ звѣрь нелюдимый,
Изъ хаты, онъ брата кругомъ не нашелъ;
Завѣтную горсть лишь землицы родимой
Въ платокъ завязалъ и пошелъ!

Свирѣль заиграла надъ синей рѣкою,
Румяное солнце встаетъ изъ-за горъ . . .
Свободный батракъ! Что-жъ ты сталъ и полою
Кафтана рѣсницы отеръ?

Свободный . . . Ужъ въ ясли сегодня скотинѣ
Не нужно душистаго сѣна бросать;
Изъ края родного онъ воленъ отнынѣ,
Куда загадаетъ, бѣжать.

Свободный . . . Онъ тягости въ мірѣ не знаетъ:
Коса развѣ то, что звенитъ за спиной,
Отрепье, что впалую грудь прикрываетъ,
Да боль отъ тревоги глухой!

7303326
Digitized by Google

Свободный . . . Вѣдь можетъ лежать онъ
бездумно,
Итти, не жалѣя пораненныхъ ногъ,
Рыдать безъ конца, иль смѣяться безумно,
Пѣть пѣсни . . . Суди его Богъ!

Замерзнуть онъ можетъ, покончить съ со-
бою,
О камни дорожные черепъ разбить . . .
Заря будетъ снова смѣняться зарею,
Зари для него ужъ не быть!

Назадъ оглянулся онъ съ горечью новой;
Опишутъ тамъ каждую тряпку въ избѣ,
Убогое поле, лѣсокъ вересковый . . .
Коса — лишь осталась тебѣ!
Иди же косить! Хоть издохни безъ хлѣба,
Ея не нарушь ты, иди!

Чего-жъ онъ стоитъ, онъ, свободный, какъ
птица?
Живи, коли хочешь, не хочешь — умри,
Въ рѣкѣ утопись иль изсохни, какъ спица,
Трудясь отъ зари до зари.

Digitized by Google

И горстью хоть волосы рви — онъ не встрѣтитъ
Ни въ комъ состраданья живого, бѣднякъ.
Хоть мертвымъ пади, и никто не замѣтитъ...
Свободный онъ, вольный батракъ!

Въ память іюньскихъ дней 1848 года.

Нѣту работы . . . Семья голодаетъ . . .
Двое малютокъ припали къ отцу,
Рвутъ на немъ платье, ѣсть просятъ, рыдаютъ . . .
Мать на нихъ молча глядитъ и страдаетъ...
„Полноте, дѣти, — отецъ утѣшаетъ —
„Наши страданья приходятъ къ концу:
„Хлѣба намъ или свинцу
„Завтра республика дать обѣщаетъ . . .“

Сдвинуты брови и скрещены руки
На молодецкой широкой груди.
Люди по улицамъ идутъ, и звуки
Пѣсни ихъ грозной исполнены муки:

Digitized by Google

Завтра раздастся здѣсь громъ боевой,
Знайте же, братья: васъ ждетъ впереди
Хлѣбъ на столѣ или пуля въ груди
Послѣ борьбы роковой.

Знамя надъ грудой камней развивается . . .
Строитъ народъ баррикаду . . .
Завтра онъ здѣсь умирать собирается.
Здѣсь для свободы алтарь воздвигается:
Здѣсь новой жизни заря загорается,
Людямъ грядущимъ въ урокъ:
Будетъ героямъ награда —
Пуля иль хлѣба кусокъ! . . .

Тѣни ночныя спустились надъ зданьями,
Полонъ рѣшимости мрачный народъ:
Завтра онъ кончитъ съ своими страданьями.
Полный надеждами и ожиданьями,
Жаждою полный борьбы,
Цѣлую ночь онъ очей не сомкнетъ:
Завтра онъ хлѣбъ иль пулю возьметъ
Съ бою у грозной судьбы.

Digitized by Google

* * *

Какъ король шелъ на войну
Въ чужедальную страну:
Заиграли трубы мѣдныя
На потѣхи на побѣдныя!

А какъ Стахъ шелъ на войну
Въ чужедальную страну:
Зашумѣла рожь по полюшку
На кручину, на недолюшку.

Свищутъ пули на войнѣ . . .
Ходитъ смерть въ дыму, въ огнѣ.
Тѣшатъ взоръ вожди отважные,
Стонутъ ратники сермяжные.

Конченъ бой. Труба гремитъ.
Съ тяжкой раной Стахъ лежитъ.
А король стезей кровавою
Возвращается со славою!

А какъ легъ въ могилу Стахъ, —
Вѣтеръ пѣсню спѣлъ въ кустахъ
И звенѣлъ, шумя дубровами,
Колокольцами лиловыми.

Digitized by Google

Дума.

Когда работаю я въ душной мастерской,
Въ дыму, средь мусора и шума,
Одна тяжелая, мучительная дума
Тревожитъ умъ забитый мой.
Я думаю: „несчастный нашъ народъ,
За что ты обреченъ на вѣчное страданье
Съ трудомъ поддерживать свое существованье?
И сбросишь-ли когда ты тяжкій этотъ гнѣтъ?
Взгляни-ка на людей,
Какъ тѣ живутъ богато,
Вкушая счастіе, и радость, и покой,
Они имѣютъ кучи злата,
Добытыя твоей мозолистой рукой.
Ты создалъ имъ богатства, капиталы,
Ты строишь имъ роскошные дома.
Тебѣ-жъ даны въ удѣлъ лишь грязные подвалы,
А, можетъ быть, и мрачная тюрьма.
И тѣхъ обжоръ, хоть самъ не сознавая,
Питаешь ты копейкой трудовой,
Межъ тѣмъ какъ самъ, по суткамъ голодая,
Ѣшь черный хлѣбъ съ холодною водой.

Digitized by Google

Проснешься-ль ты, народъ нашъ угнетенный?
Возвысишь-ли когда могучій голосъ свой,
И тронъ враговъ, насильемъ огражденный
Разрушишь мощною рукой?“

Въ голодный годъ.

Съ далекой родины приходятъ злыя вѣсти
О черныхъ дняхъ бѣды, нависшей надъ страной;
Во снѣ и на яву зоветъ къ борьбѣ и мести
Изнеможенный ликъ страдалицы родной.
И въ сердцѣ крикъ встаетъ: „О, гдѣ-жъ друзья свободы?
Чего молчатъ они? Чего еще онъ ждетъ,
Правдивой казни мечъ?“ Мелькаютъ дни и годы . . .
О, Боже! Кто спасетъ покинутый народъ?

Туманная весна . . . Одѣтый первымъ пухомъ,
Недвижимъ сонный лѣсъ; въ неоранныхъ поляхъ.
Не ходитъ острый плугъ . . . И пахарь, павшій духомъ,
Надъ мертвой клячею стоитъ съ слезой въ очахъ,

Digitized by Google

И видитъ онъ вдали погнувшуюся хату,
Больныя личики дѣтей полунагихъ,
И знаетъ: каждый день сулитъ ему утрату,
Обиду новую, отраву слезъ живыхъ . . .

— Не плачь, о бѣдный братъ! Не думай, что мольбою
Ты тронешь гнѣвъ небесъ, пославшихъ чашу бѣдъ,
Не думай, что вампиръ, взлелѣянный тобою,
Рѣшится кинуть самъ изсохшій твой скелетъ!
Отъ чуда-ли ты ждешь желаннаго спасенья?
Смягчится властелинъ, иль сжалится сатрапъ?
Защиты въ небѣ нѣтъ! Надежды нѣтъ въ терпѣньи!
Иль самъ себя спасай, иль погибай, какъ рабъ!

Но хуже-ль ты другихъ? Изъ полнаго бокала
Не могъ бы радость пить со смѣхомъ на устахъ?
Воспрянь, о край родной, воспрянь! Пора настала
Оковы ржавыя разбить и бросить въ прахъ!

Digitized by Google

Вставай — ударилъ часъ! . . . Воспламени
тревоги
Живой огонь въ сердцахъ . . . Народы вско-
лыхни . . .
Всели холодный страхъ въ бездушные чертоги,
Зажги по городамъ зловѣщіе огни!

Темницы распахни . . . И изъ своей могилы
И мы, забытые, живые мертвецы,
Лишенные давно и мужества и силы,
Воспрянувъ явимся, среди бойцовъ — бойцы.
И если лучшій сокъ пожралъ огонь страданья,
И если лучшихъ силъ назадъ не возвратимъ,
То кровь послѣднюю, послѣднее дыханье
Тебѣ, о, родина, съ восторгомъ отдадимъ!

1902-ой годъ.

Тяжелый, страшный годъ, проклятая гора!
Надъ родиной моей многострадальной
Грозой пронесся снова моръ повальный,
Губя друзей свободы и добра.

Digitized by Google

Не зажили еще слѣды недавнихъ ранъ,
Не смолкли стонъ и плачъ по жертвамъ произвола,
А кровью новою подножіе престола,
Спѣшитъ омыть ужъ царственный тиранъ.

Повсюду сѣя смерть, какъ мрачный демонъ зла,
Надъ русью пролетѣлъ опять орелъ двуглавый,
Опять идетъ ужъ пиръ кровавый
Подъ сѣнью царскаго крыла.

И стая хищниковъ съ злораднымъ торжествомъ
Глубоко когти въ грудь народную вонзаетъ,
Все чистое пятой нечистой попираетъ,
Глумясь кощунственно надъ правдой и добромъ.

Все жертвы новыя, безъ счета, безъ числа . . .
Куда ни ступитъ рать опричниковъ наемныхъ,
Вездѣ свершится рядъ злодѣйства темный,
Вездѣ слѣды насилія и зла.

Digitized by Google

Гдѣ ни пройдутъ враги, тамъ сотни юныхъ силъ,
Надломленныхъ борьбой ведутся на закланье,
Тамъ не смолкаетъ стонъ, тамъ нѣтъ конца
страданью,
Тамъ цѣпи новыя, тамъ свѣжій рядъ могилъ.

И льются рѣки слезъ надъ родиной моей,
И съ каждымъ днемъ растетъ безвыходное горе,
Огромное какъ міръ, бездонное какъ море,
Безбрежное, какъ ширь моихъ родныхъ степей.

О родина моя, о бѣдный мой народъ!
Не слезы тутъ нужны, не горькими слезами
Избыть тебѣ, скопившійся вѣками,
Тяжелый гнѣтъ страданій и невзгодъ.

Надъ русскою землей вѣка ужъ стонъ стоитъ,
Подъ гнетомъ палачей всегда рабы стонали,
Но все-жъ цѣпей своихъ еще не расковали
И мрачный произволъ по-прежнему царитъ.

Не слезы тутъ нужны . . . Пусть вмѣсто
слезъ въ очахъ
Твоихъ горитъ огонь негодованья, —
И бремя долгое страданья
Стряхнешь ты съ плечъ врагамъ своимъ на
страхъ.

Digitized by Google

Пускай не рабскій стонъ звучитъ въ устахъ твоихъ,
А кличъ громовый мести всенародной,
И скоро, гордый и свободный,
Прогонишь ты мучителей своихъ.

По камню разнесешь ты тюрьмы и дворцы,
Разрушишь логово опричины царевой
И съ вѣрой свѣжею на путь ты вступишь новый,
Куда вели тебя погибшіе борцы . . .

---

* * *

Ужъ ты доля, моя доля,
Доля горькая моя,
И за что жъ ты меня, доля
До Сибири довела?

Не за пьянство, за буянство
И не за ночной разбой, —
Стороны своей лишился
За крестьянскій міръ честной.

Digitized by Google

Годъ въ ту пору былъ голодный,
Стали подати сбирать,
И послѣдніе пожитки,
И скотинку продавать.

Я отъ міра съ челобитной
Къ самому царю пошелъ,
Но схватили на дорогѣ,
До царя я не дошелъ.

И по царскому велѣнью
За прошенье мужиковъ,
Его милости плательщикъ
Сподобился кандаловъ.

Далеко село родное,
А хотѣлось бы узнать,
Удалось-ли односельцамъ
Съ шеи подати скачать.

Пѣснь рабочихъ.

Вашу роскошь, богатство и золото,
Ваши бархаты, яства, покой, —
Все мы создали — пòтомъ и молотомъ
И нуждою, суровой нуждой . . .

Digitized by Google

Загляните въ кварталы невзрачные,
Гдѣ заводы-гиганты стоятъ,
Стооконные, грязные, мрачные,
Вѣчно стонутъ, скрежещутъ, дымятъ . . .

Тамъ, въ кромѣшномъ аду, надрывается,
Изнываетъ въ трудѣ человѣкъ . . .
Потомъ-кровью тамъ хлѣбъ добывается,
Сотни рукъ въ кабалѣ тамъ весь вѣкъ!

Вашу роскошь, богатство и золото,
Вашу сытость, довольство, покой
Мы вамъ создали потомъ и молотомъ,
Изнуреньемъ, мозольной рукой!

Загляните въ подвалы забытые:
Тамъ, въ грязи, въ темнотѣ, подъ землей,
Жмется голь-нищета непокрытая,
Коротаетъ свой вѣкъ трудовой . . .

Тамъ, согнувшись надъ спѣшной работою,
День и ночь молотками стучатъ . . .
Изнуренные вѣчной заботою,
За станками тамъ люди стоятъ . . .

Вашу роскошь, богатство и золото,
Ваши яства, забавы, покой, —
Все мы добыли потомъ и молотомъ,
Безпрерывнымъ трудомъ-кабалой . . .

Digitized by Google

Поглядите вы, праздные, сытые,
Какъ, согнувшись, съ ломами въ рукахъ
Въ рудникахъ, подъ землей позабытые
Люди трудятся, роютъ въ потьмахъ.

Давитъ грудь имъ угрюмое, тѣсное
Царство тьмы, тишины гробовой . . .
Задыхаясь въ пыли, неизвѣстные,
Люди чахнутъ и мрутъ подъ землей.

Вашу роскошь, богатство и золото,
Вашу силу, тепло и покой
Мы вамъ создали горбомъ и молотомъ,
Безпощадной нуждой — кабалой . . .

Кто прорылъ эти горы высокія?
Непролазныя дебри срубилъ?
Чрезъ пустыни и рѣки далекія
Путь желѣзный, мосты проложилъ?

Океановъ кто силу великую
Побѣдилъ колоссальнымъ трудомъ?
Власть пучинъ, мощь ихъ страшную, дикую
Покорилъ человѣку кругомъ? . . .

Вашу власть надъ природой и золото,
Вашу силу, успѣхъ и покой —
Все мы создали горбомъ и молотомъ,
Потомъ-кровью, усталостью, голодомъ
И жестокой суровой нуждой . . .

Digitized by Google

Чьею властью-трудомъ созидаются
Роскошь храмовъ и гордость дворцовъ?
Силой чьей къ небесамъ поднимаются
Горы камня, гранитъ городовъ?

Чьею силой и властью явилися
Эти груды товаровъ у васъ?
Мы надъ этимъ потѣли, трудилися —
Все вы силою взяли у насъ! . . .

Встань же голь трудовая, забытая,
Выходи изъ подваловъ на свѣтъ,
Выходи нищета непокрытая, —
Требуй ясный, послѣдній отвѣтъ!

Выходите чумазые, блѣдные,
Въ блузахъ рваныхъ, съ мозолями рукъ,
Изнуренные, чахлые, бѣдные,
Дѣти голода, бѣдности, мукъ . . .

Просыпайся толпа терпѣливая,
Міровой, колоссальный народъ!
Пусть богатство и знатность спѣсивая
Твое новое слово пойметъ! . . .

Требуй правъ и свободы, и счастья,
Требуй равенства, братства во всемъ,
Требуй жертвъ, и любви, и участія,
Чтобы правда царила кругомъ . . .

Digitized by Google

Встань же голь трудовая, забитая,
Выходи изъ подваловъ на свѣтъ!
Выходи нищета непокрытая —
Требуй ясный, послѣдній отвѣтъ . . .

Н. П.

Восемь часовъ.

Братья, нѣтъ силъ для терпѣнья! Мы слишкомъ устали
Вѣчно бороться за жизнь — эту жизнь нищеты и печали!
Хочется воздуха, краснаго солнца, простора, душистыхъ цвѣтовъ . . .
Прямо и смѣло заявимъ: мы требуемъ — „восемь часовъ!“

Всюду—на фабрикахъ, въ шахтахъ, въ толпахъ возглашайте народныхъ:
„Восемь часовъ для труда, восемь — для сна, восемь — свободныхъ!“
Наши волы, что пасутся, покончивши трудъ,
Птицы небесныя, звѣри лѣсные счастливѣй живутъ.

Digitized by Google

О, если такъ . . . Для чего же душа въ
насъ живая?
Сдвинемся, братья, сомкнемся! Всюду отъ края
до края!
Съ бою возьмемъ нашу долю, сбросивъ по-
корность раба;
Знайте цари и народы, что не страшна намъ
борьба!

Грянь же, нашъ кличъ боевой, и въ поляхъ, и
въ собраньяхъ народныхъ.
„Восемь часовъ для труда, восемь — для сна,
восемь — свободныхъ.

П. Я.

На почтѣ.

Контора почтовая тѣсная, душная,
Вся сѣрымъ народомъ набита биткомъ.
Рабочихъ артель, отправляя „подушныя",
Какъ стадо, толчется и претъ на проломъ.
Повѣсить топоръ можно въ воздухѣ тамъ:
Прохода мужикъ не даетъ господамъ.
И странно — весь этотъ оборванный людъ
Тѣснится у клѣтки, гдѣ деньги сдаютъ.

Digitized by Google

На лицахъ худыхъ, съ бородами косматыми
Болѣзни, труда непосильнаго слѣдъ:
Сермяги въ известкѣ, тулупы съ заплатами;
Иной, словно нищій, въ лохмотья одѣтъ,
А тоже вонъ денежный держитъ пакетъ.
„Подушныя вносишь?“—„Подушныя, братъ ...
Да малость домой для жены и ребятъ . . .
Вѣдь, тоже пить-ѣсть они, милый, хотятъ;
Да паспортъ застрялъ въ волостномъ, вишь,
правленьи,
Такъ писаря смазать ... Извѣстно, вѣдь, ротъ
Сухая-то ложка начальству деретъ,“ —
Отвѣтилъ, и вырвался вздохъ сожалѣнья
Изъ груди больной.

Вся фигура невзрачная
Твердитъ о нуждѣ неисходной разсказъ.
Больного лица выраженіе мрачное
И взглядъ воспаленныхъ слезящихся глазъ,
На лбу неразвитомъ морщины глубокія,
Свидѣтели горя, терпѣнья и мукъ;
Отрепьемъ прикрытыя плечи широкія,
Мозоли изъѣденныхъ известью рукъ, —
Все проситъ пощады, какъ кляча забитая,
И это „плательщикъ!“ Не стыдно-ли, сытые?

А. Барыкова.

Digitized by Google

* * *

Опять предо мной мелькаютъ вереницей
Усталыя, измучены борьбой,
Ихъ блѣдныя, больныя лица,
Они идутъ впередъ съ душевною тоской,
Забота гонитъ ихъ и безпощадный голодъ,
И мысли темныя проходятъ чередой,
А въ душу проникаетъ холодъ.
Но вотъ они пришли, вездѣ кругомъ движеніе
и работа
И въ сердцѣ каждаго подъ стукъ большихъ
колесъ
Проснулась вновь суровая забота.
Работа рукъ у нихъ не отнимаетъ
Свободы мысли, и она летаетъ
И яркимъ свѣтомъ ихъ, какъ солнцемъ, озаряетъ.
О, если бы не мысль, не свѣтъ ея могучій,
Не вынести бы имъ суроваго труда;
Она, какъ яркая зарница въ темной тучѣ,
Въ ихъ жизни свѣтитъ.
Чуть она зажглась, — и очи гордо смотрятъ,
А тѣла немощи никто ужъ не примѣтитъ.
Духъ гордъ, духъ мыслію гордится.
И крѣпнетъ тѣло, и рука къ рукѣ
Неудержимо, съ силою стремится.

Digitized by Google

Мысль каждаго и каждаго желанья
Въ сердцахъ другихъ нашли себѣ отвѣтъ,
Огонь сердецъ и жизни трепетанье —
Все вылилось въ ихъ дружескій привѣтъ.
Они сильны теперь, и съ этой силой
Зовутъ жестокаго врага на смертный бой,
Они готовы биться до могилы,
Впередъ указывать мозолистой рукой,
Впередъ, гдѣ весь въ лучахъ сіянія свободы
Восходитъ царственно могучій идеалъ,
Гдѣ братство и любовь на знамени народа,
Гдѣ-бъ, какъ орелъ, ихъ духъ бы воспарялъ.

---

* * *

Братья-рабочіе, пасынки счастія, —
Всѣ вы живете безъ свѣта, безъ знанія,
Не въ комъ вамъ встрѣтить живого участія,
Не въ комъ вамъ, братья, найти состраданія!
Тернія жизни вамъ вѣдомы смолоду:
Спутникъ назойливый — голодъ мучительный.
Муки безмѣрныя зимняго холода,
Ночи безсонныя, трудъ утомительный.

Digitized by Google

Дѣтство веселое, юность свободная —
Чуждыя вамъ, бѣднякамъ наслажденія.
Рано васъ гонитъ нужда безысходная
Изъ дому матери безъ сожалѣнія.
Въ душной казармѣ фабричной обители
Медленно тянутся дни безотрадные,
Жмутъ васъ безсовѣстно злые мучители,
Пьютъ вашу кровь пауки безпощадные.

Толстый хозяинъ — мошенникъ отъявленный
Скудную плату урѣзать старается,
Мастеръ крикливый, надъ вами поставленный,
Время работы продлить домогается.
Некому васъ пожалѣть, безталанные,
Въ шею васъ гонятъ начальники важные,
Бьютъ васъ въ участкѣ квартальные пьяные,
Скверно ругаютъ чиновки разные.

Слово свободное къ вамъ не доносится:
Уши заложены, очи завязаны.
Тщетно на волю душа ваша просится
Настрого къ ней вамъ дороги заказаны.
Если-жъ, минуя запреты суровые,
Рѣчи пойдутъ между васъ непривычныя,
Если и чувства, и помыслы новые
Васъ увлекутъ за предѣлы обычные, —

Digitized by Google

Ждутъ васъ, товарищи, бѣды внезапныя,
Ждутъ палачей васъ расправа жестокая:
Сумракъ осторожный, тревоги этапныя,
Грусть одиночества, ссылка далекая . . .
Старость наступитъ, оставила силушка,
Въ ямѣ покинутой вы изнываете.
Нѣтъ вамъ пристанища, развѣ могилушка, —
Смерть вы съ мольбой на себя призываете.

Жизнь горемычная, жизнь безталанная,
Юность угрюмая, старость обидная,
Смерть — утѣшеніе, гостья желанная,
Горькая участь, судьба незавидная . . .

Плачъ дѣтей.

Равнодушно слушая проклятья
Въ битвѣ съ жизнью гибнущихъ людей,
Изъ-за нихъ вы слышите ли, братья,
Тихій плачъ и жалобы дѣтей?

Въ золотую пору малолѣтства
Все живое счастливо живетъ,
Не трудясь, съ ликующаго дѣтства
Дань забавъ и радости беретъ.

Digitized by Google

Только намъ гулять не довелося
По полямъ, по нивамъ золотымъ:
Цѣлый день на фабрикахъ колеса
Мы вертимъ — вертимъ — вертимъ!

Колесо чугунное вертится,
И гудитъ, и вѣтромъ отдаетъ;
Голова пылаетъ и кружится,
Сердце бьется, все кругомъ идетъ:
Красный носъ безжалостной старухи,
Что за нами смотритъ сквозь очки,
По стѣнамъ гуляющія мухи,
Стѣны, окна, двери, потолки, —
Все и всѣ! Впадая въ изступленье
Начинаемъ громко мы кричать:
— Погоди, ужасное круженье!
Дай намъ память слабую собрать.
Безполезно плакать и молиться,
Колесо не слышитъ, не щадитъ:
Хоть умри, проклятое вертится,
Хоть умри — гудитъ — гудитъ — гудитъ!

Гдѣ ужъ намъ, измученнымъ въ неволѣ,
Ликовать, рѣзвиться и скакать!
Если-бъ насъ теперь пустили въ поле,
Мы въ траву попадали бы — спать.

Digitized by Google

Намъ домой скорѣй бы воротиться . . .
Но зачѣмъ идемъ мы и туда? . . .
Сладко намъ и дома не забыться:
Встрѣтитъ насъ забота и нужда,
Тамъ, припавъ усталой головою
Къ груди блѣдной матери своей,
Зарыдавъ надъ ней и надъ собою,
Разорвемъ на части сердце ей . . .“

Н. Некрасовъ.

Жалоба работницы.

Слезы мои горькія,
Словно лѣтній дождичекъ,
Льются изъ очей.

Послѣ ливня лѣтняго
Ведро наступаетъ, —
У меня же бѣдненькой,
Сердце грусть снѣдаетъ.

Нѣтъ просвѣта яснаго,
Все кругомъ темно;
Тучи понахмурились,
И такъ тяжело.

Digitized by Google

. . . Пѣсня лишь унылая
Словомъ выливается,
Эта жизнь постылая,
Видно не скончается.

Спину молодую
Трудъ тяжелый гнетъ.
Словно и надѣяться
Не на что впередъ.

Эхъ ты, горе горькое!
Жизнь ты безталанная!
Да когда-жъ придешь ты,
Волюшка желанная!

Петру Алексѣеву.

„Барству да маклачеству
Неужель потворствовать?!
Не хотѣлось молодцу
Кланяться, холопствовать!
Не взлюбило пылкое
Сердце непокорное

Digitized by Google

Путь-дорожку битую,
Путь-дорожку торную.
Правду неподкупную,
Божій свѣтъ увидѣла
Голова удалая
И — возненавидѣла
Долю подневольную,
Волюшку забитую,
Злобую окаянную,
Злобу ядовитую;
Вызвать въ бой осмѣлилась
Гордо, безъ смущенія,
Царскую опричину,
Силу угнетенія.
Эхъ же, и озлобились
Подлостью богатые,
Палачи народные,
Палачи проклятые!
Каменное, жестокое,
Сердце ихъ гранитное
Ядомъ переполнилось,
Местью ненавистною.
Говорятъ удалому
Рѣчи ненавистныя.
„За свободомыслiе,
Чувства безкорыстныя,

Да за жизнь рабочую,
Трудную да сѣрую
Получи наградушку
Нашу полной мѣрою:
Ты слюбился съ волюшкой,
Что съ душой-дѣвицею,
Такъ спознайся, молодецъ,
Съ душною темницею.
Не взлюбилъ ты горюшко,
Жизнь раба бездольную —
Такъ ужъ выпей, молодецъ,
Горя чашу полную.
Чтобы гребню частому
Не было работушки,
Этой непоклончивой
Сбрѣемъ полъ-головушки;
Въ званіи кандальника
Битаго, голоднаго,
Ройся въ адской темени
Рудника холоднаго;
Знай, землицу-матушку
Заступомъ покапывай,
Пѣсни пой о волюшкѣ,
Да цѣпьми побрякивай!
Думалъ ты, для родины
Цѣпи рабства пагубны, —

Digitized by Google

Такъ добудь желѣзца намъ,
Намъ на цѣпи надобно!
А ужъ цѣпи выкуемъ,
Такъ на славу: — тонкія,
Хоть тяжеловатыя,
Да, какъ гусли, звонкія.“
Голова удалая
Все жъ не поклонилася,
Сердце молодецкое
Все-жъ не покорилося:
„Что-жъ! закуйте въ цѣпи меня
И обрѣйте голову,
Но не сброшу съ плечъ своихъ
Я креста тяжелаго;
Не бѣгу страданія, —
Сила въ немъ великая, —
Передъ нимъ разсѣется
Ваша злоба дикая;
На него помолится
Весь народъ задавленный,
Славой увѣнчается
Вами обезславленный!“

Вербовчанинъ.

Digitized by Google

Ночью въ мастерской.

Взялъ я для пѣсни мотивъ невеселый,
Да и веселье мнѣ что-то не въ мочь.
Думаю пѣть вамъ про трудъ нашъ тяжелый,
Про трудъ нашъ въ „рабочую ночь".
Вотъ мастерская завода. Мелькаетъ
Подъ потолкомъ паутина ремней,
Свѣтъ электрическихъ лампъ освѣщаетъ
Грязныя лица усталыхъ людей . . .
Всюду станки нагромождены тѣсно.
Переплетаясь, какъ нити канвы . . .
Съ привода ремни ниспадаютъ отвѣсно
Съ силою быстро вращаютъ шкивы.
Визгъ и шуршанье станковъ. Дребезжанье
Толстыхъ желѣзныхъ цѣпей и колесъ.
Грохотъ машинъ, шестерней грохотанье,
Звуки упавшихъ желѣзныхъ колесъ.
Все это слилось въ одинъ непрерывный
Гулкій, тупой, оглушительный шумъ;
Точно мятели напѣвъ заунывный
Онъ притупляетъ и чувства, и умъ.
Вертится быстро станокъ мой токарный,
Суппортъ*), поставленный на самоходъ,

*) Часть токарнаго станка.

Digitized by Google

Движется плавно, и стружка забавно
Вьется подъ острымъ рѣзцомъ и поетъ.
Слышится брань. Беззастѣнчиво нагло
Мастеръ ругаетъ кого-то изъ насъ;
Кто-то въ углу притаился и жадно
Пьетъ изъ бутылки принесенный квасъ.
Вотъ на мгновенье, весь шумъ заглушая
Вопли о помощи слышатся мнѣ.
Мастеръ бѣжитъ къ машинисту ругаясь,
Что мы работаемъ „будто во снѣ".
Съ этой минуты станокъ мой все тише
Началъ вращаться и вотъ, наконецъ,
Остановился совсѣмъ. „Еще дышетъ!"
Слышу я крики: „очнись молодецъ!
Дайте носилки живѣе! Въ больницу
Нужно сейчасъ же отправить его.
Экій дубина! Попалъ межъ спицами,
Точно не знаетъ станка своего!"
„Что-же, готово? Пускать что-ль машину?"
Слышатся крики съ другой стороны.
„Ладно, пускай!" И сейчасъ же картина
Вновь измѣнилась подъ сводами тьмы.
Снова послышались прежніе звуки,
Снова доносятся пара толчки,
Снова стучатъ и грохочутъ станки
Имъ неизвѣстны страданія, муки —

Digitized by Google

Нервы у нихъ замѣняютъ ремни.
Поздно! . . . Четвертый ужъ часъ на исходѣ
Скоро, ужъ скоро завоетъ гудокъ.
Слишкомъ усталъ я. И быть на свободѣ
Хочется мнѣ, но не конченъ урокъ.
Не весела ты ночная работа! —
Только смиренье и терпитъ тебя.
Только о хлѣбѣ насущномъ забота
Гонитъ усталость и сонъ отъ меня.
Вертится быстро станокъ мой токарный,
Пѣсню унылую тянетъ рѣзецъ,
Вьется попрежнему стружка забавно,
Въ видѣ блестящихъ спиральныхъ колецъ.
Дурно! . . . Колеблется пламя коптилокъ,
Сажа и дымъ застилаютъ глаза.
Кажется, кровь не вмѣщается въ жилахъ.
Въ воздухѣ будто повисла гроза.
Тщетно стараюсь я, сонъ отгоняя,
Бодро стоять, избѣгая покоя!
Трудно бороться съ дремотой. Шатаясь,
Еле держусь за станокъ я рукой . . .
О, неужели же ночь безконечна,
Какъ безконеченъ ужаснѣйшій сонъ?
Голодъ, нужда безысходная вѣчно-ли
Будетъ царить надъ свободнымъ трудомъ?
Скоро ли явится проблескъ сознанья

Digitized by Google

Въ мірѣ усталыхъ, забитыхъ людей?
Вѣчно ли въ жизни одни лишь страданья
Будутъ утѣхой отъ тяжкихъ скорбей?
Нѣтъ, мнѣ не надобно рабьихъ сомнѣній!
Видѣлъ я много примѣровъ борьбы.
Чувства святыя не въ мірѣ забвенья
Плѣсень еще не покрыла умы.

---

* * *

Точно кольца проклятаго змѣя,
Обвиваютъ нашъ край все тѣснѣй,
И хрипитъ онъ слабѣя, нѣмѣя,
Противъ силы воспрянуть не смѣя
И склоняясь во прахъ передъ ней . . .

Эта сила нашъ край превратила
Въ царство плети, кармана и тьмы,
Произволъ и грабешъ освятила,
Развратила сердца и умы . . .
Солнце правды отъ насъ закатилось,
Голодаетъ и терпитъ народъ,
И молчитъ... Кто намъ крикнетъ „впередъ“?

Чу! . . . Рабочая мысль пробудилась . . .
Эта мысль главу змія сотретъ . . .

Digitized by Google

Пусть зовутъ ее вредной, тлетворной,
И преступной, и грѣшной, и злой;
Пусть всей шайкой своею проворной
Заглушаютъ ее и хулой,
И безстыднымъ, и наглымъ обманомъ!
Пусть карающей силой закона
Нашу мысль и терзаютъ, и гнутъ,
И въ церквахъ проклинаютъ съ амвона;
Пусть готовятъ ей цѣпи и кнутъ!
Пусть въ тюрьмѣ и Сибири холодной
Погибаетъ борецъ за борцомъ! . . .
Нѣтъ могилы для мысли свободной,
Нѣтъ побѣды надъ ней! Предъ лицомъ
Нашей мысли, рожденной изъ гнета,
Изъ страданій, изъ слезъ, изъ труда,
Сгинетъ подлое наше болото
И исчадья его безъ слѣда! . . .

II.

Вокругъ машины волной кипучей
Рабочіе, шумя, кишатъ.
Съ ихъ лицъ катится потъ горючій,
Измученъ ихъ усталый взглядъ.

Digitized by Google

Рабочій день безмѣрно длинный,
Какъ червь, медлительно ползетъ;
Болитъ въ груди, ломаетъ спину,
А время отдыха найдетъ.

Изсохли лица, впали груди,
И льется съ нихъ кровавы потъ
Зачѣмъ трудятся эти люди?
Что ихъ за трудъ въ грядущемъ ждетъ?

Еще дѣтьми, забавъ не зная
За тяжкій трудъ они взялись;
Трудятся, отдыхъ забывая
И слышатъ все: „сильнѣй трудись!“

Отъ колыбели до могилы
Трудишься ты, рабочій людъ;
Отъ изнуренья таютъ силы.
Спроси хоть разъ, зачѣмъ твой трудъ?

Трудись затѣмъ, затѣмъ работай,
Чтобы твой тучный господинъ
Могъ наслаждаться безъ заботы
Огнемъ живымъ шипучихъ винъ.

Склоняйся надъ работой ниже,
Чтобы ему все доставлять,
Чтобъ въ Петербургѣ иль въ Парижѣ,
Онъ могъ безпечно пировать.

Digitized by Google

Имѣешь ты царя, царицу
Великихъ и простыхъ князей;
И наводняетъ всю столицу
Толпа ихъ прихвостней, друзей.

Имъ всѣмъ нужны сребро и злато.
Трудись, пока испустишь духъ,
Князьямъ, вельможамъ строй палаты,
Корми послушныхъ царскихъ слугъ.

Корми поповъ и строй имъ храмы
Корми жандармовъ и солдатъ,
Что душитъ все, что честно, прямо,
И всѣхъ, кто другъ тебѣ и братъ.

Трудись, пока изсякнутъ силы!
Тогда лишь кости отдохнутъ,
Какъ въ глубь безвременной могилы,
Твой трупъ безжалостно столкнутъ.

III.

Что за картина безсмысленно дикая!
Гдѣ-жъ она, гдѣ она, сила великая,
Чтобъ конецъ положить?
Эта толпа, безотвѣтно покорная,
Иго тяжелое, иго позорное
Вѣчно-ли будетъ сносить?

Digitized by Google

Ахъ неужель ты, слѣпая и темная,
Вѣчно голодная, вѣчно бездомная
Будешь покорно молчать?
Всѣхъ нарядившая, всѣхъ накормившая
Будешь не ѣвшая, будешь не пившая,
Вѣчно отъ стужи страдать?

Нѣтъ не вѣчно, нѣтъ не вѣчно!
Видишь, другъ, со всѣхъ концовъ
Съ пѣсней бодрою, сердечной
Цѣпью длинной, безконечной
Ужъ спѣшатъ толпы бойцовъ!

Сила арміи священной
Старый соръ земли смететъ.
Коль одинъ падетъ сраженный,
Вмѣсто павшаго мгновенно
Сотня новыхъ возстаетъ.

Слышишь, другъ мой, эти звуки?
Это онъ рабочій людъ!
То они питомцы муки,
Дружно взявшися за руки,
Пѣсню звонкую поютъ.

Не болѣзненной дремотой
Пѣсня дружная звучитъ,

Digitized by Google

И не будничной заботой,
Новымъ тономъ, новой нотой
Пѣсня новая звенитъ.

Грянемъ, братья, гимнъ веселый
Станемъ въ тѣсные ряды!
Передъ нами путь тяжелый,
Ждутъ насъ тяжкіе труды!

Но не страшны намъ препоны,
Смѣло мы идемъ впередъ!
Наши дѣти, наши жены,
Ихъ страданія, ихъ стоны . . .
Правда, все на бой зоветъ!

Ну, греми же пѣснь святая!
Все, что честно, къ намъ придетъ!
Правды знамя поднимая,
Смѣло двинемся впередъ!

Машинушка.

Много пѣсенъ слыхалъ я въ родной сторонѣ,
Ихъ про горе и радость тамъ пѣли;
Изъ тѣхъ пѣснъ одна въ память врѣзалась мнѣ
Эта пѣсня рабочей артели:

Digitized by Google

Эхъ, дубинушка, ухнемъ!
Эхъ, зеленая, сама пойдетъ!
Подернемъ, подернемъ,
Да ухнемъ!

Англичанинъ мудрецъ, чтобъ работѣ помочь
Изобрѣлъ за машиной машину,
А нашъ русскій мужикъ, коль работать не въ мочь
Такъ затянетъ родную дубину

Припѣвъ:
Эхъ, дубинушка и т. д.

За годами года проходили чредой,
Измѣнилась родная картина.
И дубина съ сохой отошли на покой,
Ихъ смѣнила царица-машина.

Эхъ, машинушка, легче
Эхъ, желѣзная, сама идетъ!
Наладимъ, наладимъ,
Да пустимъ!

Старый строй разрушалъ капиталъ-властелинъ,
Съ корнемъ рвалъ онъ дворянскіе роды.
Мужиковъ и ребятъ изъ родныхъ палестинъ
Гналъ на фабрики, верфи, заводы.

Digitized by Google

Припѣвъ:
Эхъ, машинушка и т. д.

Гдѣ дворянская жизнь, что лилася рѣкой?
Ужъ не гнутся на барщинѣ спины;
Правитъ Русью купецъ золотою рукой,
Мужиковъ превратилъ онъ въ машины.

Припѣвъ:
Эхъ, машинушка и т. д.

Знать англійскій урокъ не пропалъ, — пошелъ въ прокъ,
Поумнѣлъ нашъ россійскій купчина,
Лишь рабочій порой вопрошаетъ съ тоской!
Что тяжеле: соха иль машина?

Припѣвъ:
Эхъ, машинушка и т. д.

Безъ бояръ, безъ дворянъ оказался нашъ царь,
Кто поддержитъ тебя, сиротина?
Кто опорой тебѣ будетъ въ новой судьбѣ,
Кто замѣнитъ тебѣ дворянина?

Припѣвъ:
Эхъ, машинушка и т. д.

Digitized by Google

Но нашъ царь не сплошалъ, онъ купца
обласкалъ
И купецъ ему нынѣ опора,
А россійскій мужикъ ужъ къ машинѣ при-
выкъ
Его гложетъ купецкая свора.

Припѣвъ:
Эхъ, машинушка и т. д.

Но страшись, грозный царь, мы не будемъ,
какъ встарь,
Безотвѣтно сносить свое горе:
За вольною волна, подымаясь отъ сна,
Людъ рабочій бушуетъ, какъ море.

Припѣвъ:
Эхъ, машинушка и т. д.

Онъ разрушитъ въ конецъ твой роскошный
дворецъ
И оставитъ лишь пепелъ отъ трона,
И отыметъ въ бою онъ порфиру твою,
И порѣжетъ ее на знамена.

Припѣвъ:
Эхъ, машинушка и т. д.

Digitized by Google

Фабрикантовъ-купцовъ, твоихъ вѣрныхъ сыновъ
Точно пыль, онъ развѣетъ по полю, —
И на мѣстѣ вражды да суровой нужды
Установитъ онъ братство и волю.

Припѣвъ:
Эхъ, машинушка и т. д.

---

* * *

I.

Снова я слышу родную „лучину".
Сколько въ ней горя, страданья и слезъ!
Видно, свою вѣковую кручину
Пахарь въ нее перенесъ.

Сидя за прялкой въ осеннюю вьюгу,
Пѣла, быть можетъ, крестьянка въ тиши
И повѣряла той пѣснѣ, какъ другу,
Жгучую скорбь наболѣвшей души.

Полно! Довольно про горе ты пѣла . . .
Прочь этотъ грустный, унылый напѣвъ!
Надо, чтобъ пѣсня отвагой гремѣла,
Въ сердцѣ будила спасительный гнѣвъ!

Digitized by Google

Зрѣетъ въ народѣ могучая сила.
Край нашъ стоитъ на широкомъ пути.
То, что страдалица мать выносила,
Сынъ богатырь не захочетъ снести.

Мысли живой не задушитъ въ немъ голодъ,
Силъ молодыхъ не надломитъ борьба,
Смѣло возьметъ онъ тяжелый свой молотъ
И разобьетъ имъ оковы раба.

II.

Смѣлѣй, друзья, идемъ впередъ,
Будя въ сердцахъ живое пламя!
И наше дѣло не умретъ,
Не сломятъ бури наше знамя!

Побѣды ужъ недолго ждать!
Проснулась мысль въ средѣ рабочихъ,
И зрѣетъ молодая рать
Въ нѣмой тиши зловѣщей ночи.

Она созрѣетъ . . . и тогда,
Стряхнувъ, какъ сонъ, свои оковы,
Подъ краснымъ знаменемъ труда
Проснется Русь для жизни новой.

Л. Радинъ.

Digitized by Google

Камаринская.

Эхъ, и простъ же ты, рабочій человѣкъ!
На богатыхъ гнешь ты спину цѣлый вѣкъ.

У Морозова, у Саввушки, заводъ,
Обираютъ тамъ безъ жалости народъ;
Всѣ рабочіе въ убогости,
А на нихъ большія строгости;
Чтобъ не вышло препирательства
За иныя надувательства,
Канцелярія составила
Для рабочихъ пункты-правила:
Положила кары гросныя,
Наказанія серьезныя;
Обираетъ по законному,
Прижимаетъ по ученому.
Эхъ, у Саввушки палатушка ума,
Оттого-то, знать, толста его сума.
Загорѣлся разъ у Саввушки заводъ,
Разбѣгаться сталъ испуганный народъ;
Управляющій огонь тушить велитъ,
А рабочій людъ на улицу валитъ.
Дали Саввѣ знать объ этомъ въ телефонъ;
Какъ ошпаренный примчался мигомъ онъ.

Digitized by Google

„Что жъ, имущество должно мое сгорѣть?
Эй, немедленно ворота запереть!“
Не пускать велѣлъ съ завода ни души,
Тамъ ужъ хочешь, иль не хочешь, а туши!
Эхъ, ужъ Саввушка уменъ, уменъ, уменъ,
И начальствомъ онъ за это отличенъ:
Почитается, какъ знатный дворянинъ,
Принимается, какъ важный господинъ.

Савва жирная скотинушка,
Въ три обхвата животинушка;
Онъ живетъ себѣ съ отрадою.
Умывается помадою,
Злой кручинушки не вѣдаетъ,
По три раза въ день обѣдаетъ
Признанялся гувернантками,
Черномазыми тальянками,
Разговору непонятнаго,
Обхожденія пріятнаго;
На гроши на наши трудовые
Сшилъ наряды имъ шелковые, —
Онѣ ходятъ точно павушки,
Удовольствіе для Саввушки . . .

Собирали какъ-то деньги на соборъ,
На заводѣ велѣлъ Савва сдѣлать сборъ:

Digitized by Google

„Подавайте съ каждой хари четвертакъ,
Все равно снесете деньги вы въ кабакъ!“
Подчинилися приказу дураки,
Понесли они свои четвертаки.
Отъ покорности убогихъ дураковъ
Понастроены всѣ сорокъ сороковъ.
Духовенство умилилося,
Саввѣ низко поклонилося,
А для нашего спасенія
Поучаетъ въ воскресеніе,
Чтобъ безропотно трудилися,
Да молитвою кормилися,
Чтобъ не ѣли въ постъ скоромнаго
Поведенья были скромнаго,
Чтобъ начальству подчинялися
Да иконамъ поклонялися, —
За усердіе чудесное
Въѣдемъ въ царствіе небесное!
Эхъ, наставники духовные!
Проповѣдники церковные!
Съ виду божіе угодники;
Втихомолку грѣховодники;
У васъ брюхи слишкомъ пухлыя,
Ваши рѣчи очень тухлыя.

Эй ребятушки, живѣй, живѣй, живѣй,
Соберемъ колокола со всѣхъ церквей,

Digitized by Google

Изъ нихъ пушку мы большую отольемъ,
Духовенствомъ эту пушку мы набьемъ,
Знатно выпалимъ попами въ небеса,
Ужъ посыплются къ намъ съ неба чудеса!

Служимъ потомъ, служимъ кровію
Мы купецкому сословію,
А и царское правительство
Покрываетъ все грабительство,
Издаетъ законы многіе,
Для рабочихъ очень строгіе,
Да безъ всякаго стѣсненія,
Учиняетъ притѣсненія.

На купцахъ стоитъ теперь у насъ земля,
Нѣту силы противъ батюшки-рубля!
Охъ, ужъ эти-то купцы, купцы, купцы
Обиратели они, да подлецы!

Вы, ребятушки фабричные,
Къ обирательству привычные,
Ужъ найдите вы управушку
На Морозова на Саввушку,
Покажите молодечество,
Выходите на купечество.

На купцовъ, да на поповъ, да на царей
Подымайтеся скорѣй, скорѣй, скорѣй! . . .

Digitized by Google

Гласъ Божій.

Въ смиреніи молился я:
О Боже мой, укрой меня
Отъ зла, насилія спаси!
Вдругъ слышу голосъ съ небеси:
Меня ты лучше не проси!
Коль хошь спастись,
Спасайся самъ,
А зря не прися къ небесамъ;
Могу ли я спасти тебя,
Коль скоро весь вашъ родъ людской
Давнымъ давно забылъ меня
И связи всѣ порвалъ со мной;
Надѣлалъ тамъ себѣ боговъ,
Іеромонаховъ и поповъ,
Пророковъ разныхъ да святыхъ —
Ну тамъ и требуйте отъ нихъ;
А я не выжилъ изъ ума,
Чтобъ носъ совать въ ваши дѣла:
Васъ тамъ и чертъ не разберетъ,
И не поймете, кто что поетъ;
Кто наглый плутъ,

Digitized by Google

Тотъ человѣкъ,
Тому и слава и почетъ.
А кто трудится цѣлый вѣкъ,
Тотъ только палокъ себѣ ждетъ.
Кто злой тиранъ, тотъ весь въ звѣздахъ,
И держитъ власть въ своихъ рукахъ.
Кого же надо бы давить,
Чтобъ не мѣшали другимъ жить —
А вы надѣлали изъ нихъ:
Губернскихъ, земскихъ, становыхъ
Я васъ ужъ пробовалъ спасать;
И чтобы путь вамъ указать
Къ свободѣ, равенству, любви,
Чтобъ вы по братски жить могли,
Послалъ вамъ сына своего,
А вы распяли тамъ его.
Такъ какъ же васъ теперь спасать:
Не самому же къ вамъ слѣзать?
Живите лучше вы одни
И коротайте ваши дни,
И не скверните мнѣ небесъ,
Пока и вправду къ вамъ не слѣзъ,
И всѣхъ поганою метлой
Я не погналъ съ земли долой.

Digitized by Google

Сказка о попѣ и чертѣ.

Въ церкви, золотомъ залитой,
Предъ оборваннной толпой
Проповѣдовалъ съ амвона
Попъ въ одеждѣ парчевой.

Изнуренныя, худыя
Были лица прихожанъ,
Въ мозоляхъ ихъ были руки . . .
Попъ былъ гладокъ и румянъ.

„Братья.“ — онъ взывалъ къ народу, —
„Вы противитесь властямъ;
„Вѣчно ропщете на Бога,
„Что живется плохо вамъ! —

„Это дьяволъ соблазняетъ
„Васъ на грѣшныя дѣла,
„Въ свои сѣти завлекаетъ,
„Чтобъ душа его была.

„Вотъ за то, когда помрете,
„Вамъ воздастся по дѣламъ:
„Въ пламень адскій попадете
„Прямо въ общество къ чертямъ!“

Digitized by Google

Мимо церкви въ это время
Чортъ случайно проходилъ.
Слышитъ — чорта поминаютъ,
Уши онъ насторожилъ;

Подобрался подъ окошко
И прислушиваться сталъ.
Все, чѣмъ попъ народъ морочитъ,
Чортъ все это услыхалъ.

Повалилъ народъ изъ церкви;
Наконецъ, выходитъ попъ.
Чортъ къ нему . . . сверкнулъ глазами
И попа за рясу — цопъ!

„Ну-ка, отче толстопузый,
Что про насъ ты въ церкви вралъ? . . .
Отвѣчай, какія муки
Бѣднякамъ ты обѣщалъ? . . .

Чортомъ вздумалъ ты пугать ихъ
Страшнымъ адовымъ огнемъ! . . .
Что имъ адъ? . . . Они и въ жизни
Терпятъ тотъ же адъ . . . Пойдемъ!“

Попъ бѣжать . . . Но чортъ за воротъ,
Какъ щенка его поймалъ
И, поднявъ съ собой на воздухъ,
Въ даль туманную помчалъ.

Digitized by Google

Онъ принесъ попа къ заводу.
Въ дымныхъ, мрачныхъ мастерскихъ
Печи яркія горѣли;
Адскій жаръ стоялъ отъ нихъ.

Молотъ тысячепудовый
По болванкамъ ударялъ
И фонтаномъ искръ горящихъ
Всѣхъ рабочихъ осыпалъ.

А машины грохотали,
Точно будто іюльскій громъ;
Стѣны толстыя дрожали —
Все ходило ходуномъ.

И куда нашъ попъ ни взглянетъ, —
Всюду жаръ, огонь и смрадъ:
Сталь шипитъ, валятся искры,
Духота . . . — Ужъ чѣмъ ни адъ!

У попа дыханье сперло,
Жмется, мнется, — самъ не свой.
Слезно къ чорту онъ взмолился:
„Отпусти меня домой!“

„Что-жъ!? . . . Такъ скоро надоѣло!?
Хочешь скоро такъ назадъ!? . . .
Посмотрѣлъ ты очень мало:
Это вѣдь еще не адъ!“ —

Digitized by Google

Вновь схвативъ попа за воротъ,
Чортъ взвился подъ облака
И въ другую мастерскую
Опустилъ онъ толстяка.

Здѣсь средь мрака и шипѣнья —
Изъ огромнаго котла
Въ приготовленную форму
Лава яркая текла.

Вдругъ большими языками
Лаву стало вверхъ кидать . . .
Люди въ ужасѣ смертельномъ
Попытались убѣжать.

Но напрасно . . . Съ страшной силой
Клокоталъ чугунъ въ котлѣ:
Обгорѣлые стонали,
Корчась въ мукахъ на землѣ.

Попъ отъ страха замирая,
Полы рясы подобралъ
И быстрѣй косого зайца
Изъ завода тягу далъ.

Digitized by Google

Прочь съ дороги.

Прочь съ дороги, міръ отжившій,
Съ верху до низу прогнившій,
Молодая Русь идетъ!
И, сплоченными рядами,
Выступая въ бой съ врагами
Пѣсни новыя поетъ.

Прочь съ дороги все, что давитъ,
Что свободѣ сѣти ставитъ . . .
Зла, насилія жрецы,
Вамъ пора сойти со сцены,
Выступаемъ вамъ на смѣну
Мы, отважные борцы —

Мы, рожденные рабами
Мы, вспоенные слезами,
Мы, вскормленные нуждой
Изъ тюрьмы, изъ злой неволи
Рвемся всѣ мы къ лучшей долѣ,
Рвемся мы съ неправдой въ бой.

Дѣти родины опальной,
Шьемъ мы саванъ погребальный
Палачамъ родной страны.

Digitized by Google

Въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ отдаленной
Гимнъ слагаемъ похоронный
Царству зла, насилья, тьмы.

Крѣпче стали наши руки,
Не страшны намъ смерть и муки,
Не боимся мы цѣпей
Мы не дрогнемъ, не отступимъ
Мы цѣной кровавой купимъ
Счастье родины своей.

Къ намъ, подъ знамя боевое,
Къ намъ, все честное, живое,
Къ намъ, бойцовъ отважныхъ рать!
Грянемъ бурей-ураганомъ,
Будемъ мы на страхъ тиранамъ —
За свободу воевать!

Прочь съ дороги, злыя силы,
Васъ давно ужъ ждутъ могилы . . .
Молодая Русь идетъ
И могучими рядами
Выступая въ бой съ врагами.
Пѣсни новыя поетъ! . . .

Днѣпровскій.

Digitized by Google

* * *

Нѣтъ, не почилъ на вѣки онъ духовно
Въ повиновеніи велѣніямъ судебъ! . . .
На всякій гнетъ отвѣтствуя бемолвно
Не вѣчно будетъ ѣсть онъ рабскій хлѣбъ! . . .
Не стономъ, а борьбой насилью онъ отвѣтитъ,
Онъ полный силъ рабочій исполинъ,
Онъ всякаго врага отважно грудью встрѣтитъ,
И всякій дрогнетъ врагъ въ безсильи передъ нимъ;
И пѣсни стонъ — онъ пѣснью боевою,
Зовущею впередъ, какъ мѣдный звонъ трубы,
Замѣнитъ вдругъ, и надо всей страною
Та пѣсня прозвучитъ призывами борьбы.
И онъ проснется! — Онъ уже проснулся,
Исполненный надеждъ, отваги, силъ:
Прислушайся, какъ міръ весь всколыхнулся:
Всѣ боги старые стоятъ ужъ у могилъ.
Послушай! Слышишь, какъ сквозь стоны
Крѣпчаетъ гимнъ неслыханной борьбы,
И отходной несутся перезвоны,
Міръ угнетенія, — тебѣ! . . .
Несись же пѣсня боевая,
Буди живыхъ, впередъ зови!

Digitized by Google

И смолкнутъ стоны, и пылая,
Неправдъ и злобы міръ сжигая,
Свободы, правды и любви
Заря зажжется золотая!

М. Андрійко.

Впередъ.

(Съ французскаго.)

Нестерпимо тяжка наша доля,
Намъ пришлося такъ много страдать!
Но, друзья, разрѣжаются тучи,
Стало какъ-то свободнѣй дышать.
Мы крѣпки и могучи, какъ дубы,
Много силъ въ мускулистыхъ рукахъ.
Мы хотимъ также права на счастье;
Не хотимъ мы жить дольше въ цѣпяхъ.

Впередъ, о людъ рабочій,
Изъ душныхъ мастерскихъ, —
Впередъ изъ вѣчной ночи
Подземныхъ стѣнъ сырыхъ!

Digitized by Google

Пускай дрожатъ тираны,
Нашъ долгъ сплочаетъ насъ,
И съ гимномъ въ честь свободы
Впередъ рабочій классъ!

Коль хотимъ мы, чтобъ истиной стала
Наша греза о счастьѣ, друзья,
Коль хотимъ, чтобъ скорѣй засіяла
Въ небѣ правды, свободы заря,
Коль хотимъ, чтобъ нужда и несчастье
Не давили повсюду людей, —
То протянемъ другъ другу, о братья
Пролетаріи, руки скорѣй!

Впередъ, о людъ рабочій!
Изъ душныхъ мастерскихъ, —
Впередъ изъ вѣчной ночи
Подземныхъ минъ сырыхъ!
Пускай дрожатъ тираны,
Нашъ долгъ сплочаетъ насъ,
И съ гимномъ въ честь свободы
Впередъ, рабочій классъ!

Digitized by Google

Рабочая пѣсня.

Кто кормитъ всѣхъ и поитъ?
Кто обреченъ труду?
Кто плугомъ землю роетъ,
Кто достаетъ руду?
Кто одѣваетъ всѣхъ господъ,
А самъ — и нагъ, и босъ живетъ?
Все мы же, братъ-рабочій!
Нужда намъ спину гнетъ,
Нужда слѣпитъ намъ очи,
Нужда и въ гробъ ведетъ!

Кто въ тягостной работѣ
Томится день-деньской,
Трудясь въ слезахъ и потѣ
Для прихоти чужой?
На комъ покоится весь свѣтъ?
Кому ни правъ, ни воли нѣтъ?
Все намъ же, братъ-рабочій!
Удѣлъ нашъ — рабства гнетъ,
Нужда слѣпитъ намъ очи,
Лѣнивый насъ не бьетъ . . .

Digitized by Google

Кто долго тираніи
Опорой вѣрной былъ,
И за царей Россіи
Кто кровь, какъ воду лилъ!
Кто цѣпи самъ себѣ ковалъ?
Кто самъ себя закрѣпощалъ?
Очнемся, братъ-рабочій,
Стряхнемъ незнанья гнетъ,
Развѣемъ сумракъ ночи,
Въ ряды — смѣлѣй впередъ!

Добьемся лучшей доли
На жизненномъ пиру,
И свѣтлой, вольной воли,
И торжества добру!
Мы въ плуги мечъ перекуемъ,
И новой жизнью заживемъ!
Вставай же братъ-рабочій,
Гляди — заря встаетъ,
Рѣдѣетъ сумракъ ночи, —
То — свѣтлый день идетъ!

Возьмемъ же наше знамя —
Свободы красный стягъ!
Оно горитъ, какъ пламя,
Его трепещетъ врагъ!

Digitized by Google

Зари предъутренней алѣй,
То знамя — ужасъ для царей!
Впередъ же братъ-рабочій!
Низвергнемъ царскій гнетъ!
Раскрылись наши очи —
Впередъ! впередъ! впередъ!

---

* * *

Кончается царство постылой зимы,
Запахло веселой весной.
Заря загорѣлась подъ подлогомъ тьмы
Надъ русской великой страной.

Она расцвѣтаетъ багровымъ лучомъ,
Вздымаетъ огнистый вѣнецъ.
То ангелъ Свободы кровавымъ мечомъ
Намъ бурю сулитъ наконецъ.

Привѣтъ тебѣ, буря! Скорѣе лети!
Покрѣпче тряхни головой,
Высокія башни разрушь по пути
И лѣсъ размечи вѣковой!

Digitized by Google

Безбрежное море до дна всколыхни,
До самаго сердца взволнуй!
И факеловъ нашихъ живые огни
Огромнымъ пожаромъ раздуй!

Тебѣ мы готовимъ достойный пріемъ.
Ударь пролетая въ набатъ!
Мы пѣсню свободы въ отвѣтъ запоемъ
И грома заглушимъ раскатъ.

Гони предъ собою развѣянный мракъ!
Мы выйдемъ на встрѣчу къ тебѣ
И красное знамя поднимемъ, какъ знакъ,
Къ великой народной борьбѣ.

На немъ мы напишемъ: „Долой произволъ!
Не нужно позорныхъ оковъ!“
Нашъ кликъ боевой расшатаетъ престолъ,
Раздвинетъ ограду штыковъ.

Намъ выростетъ помощь на каждомъ шагу . . .
Разроемъ дорожный гранитъ
И каменнымъ градомъ отвѣтимъ врагу,
И крѣпость построимъ изъ плитъ.

Digitized by Google

Напрасно грозитъ намъ ничтожный тиранъ
Дождемъ рокового свинца . . .
Идемъ мы почетныхъ отыскивать ранъ,
На битву идемъ до конца!

Геръ.

Подымайтесь, весенніе всходы!

Надъ Россіей пронесся ударъ громовой
Солнца лучъ засверкалъ среди ночи,
То сплоченной стѣной, то могучей волной
Поднялся пробужденный рабочій.

Задрожалъ тронъ царя, задрожалъ капиталъ,
Рѣетъ въ воздухѣ призракъ свободы
Набѣжалъ на скалу разрушительный валъ.
Подымайтесь, весенніе всходы!

И они поднялись... надъ холодной Невой,
Надъ красавцемъ-Днѣпромъ, надъ Москвою-рѣкой,
На Кавказѣ, въ Крыму, громыхая
Прокатилась гроза молодая.

Digitized by Google

Проклялъ рабскія цѣпи рабочій народъ,
Онъ зажегъ негасимое пламя,
Поруганію смѣло царизмъ предаетъ
Всюду поднято красное знамя.

И опричники въ страхѣ послали войска
Избивать безоружную массу.
Эта царская плеть, эта власть кулака
Развѣ новость рабочему классу?

Бьютъ рабочихъ въ участкахъ, на улицахъ
бьютъ
Морятъ въ тюрьмахъ героевъ свободы . . .
Надо всею Россіей господствуетъ кнутъ . . .
Подымайтесь, весенніе всходы!

Поднялися они — и двуглавый орелъ
Напрягаетъ послѣдныя силы;
Чтобъ остался въ странѣ роковой произволъ
Чтобъ царилъ самодержецъ постылый.

Полицейскій, урядникъ, вампиръ-капиталъ, .
Да жандармъ, да шпіонъ неизмѣнный —
Вотъ съ кѣмъ деспотъ дружитъ, вотъ съ кѣмъ
онъ заковалъ.
Въ кандалы весь народъ свой смиренный.

Digitized by Google

Посмотрите, товарищи, чаша полна,
Въ мрачныхъ тюрьмахъ проводимъ мы годы,
Человѣческихъ правъ вся страна лишена.
Подымайтесь весенніе всходы!

Самовластія царскаго дни сочтены,
Не спасутъ его штыкъ и нагайка.
Проклянетъ Русь холопскій завѣтъ старины
И сама себѣ станетъ хозяйка!

Не напрасно воспрянулъ рабочій народъ
Съ грознымъ кличемъ: „свободы! свободы!“
Товарищи-братья, смѣлѣе впередъ,
Подымайтесь, весенніе всходы!

Алеко.

Еще о соколѣ.

На просторѣ синемъ неба —
Необъятномъ и безбрежномъ,
Въ этомъ свѣтломъ, дивномъ царствѣ,
Гдѣ царитъ одна свобода,

Digitized by Google

Въ этомъ царствѣ, гдѣ сіяетъ
Только солнце золотое,
Да могучій, вольный вѣтеръ
Съ тучкой весело играетъ —
Гордый, смѣлый и свободный
Быстро рѣетъ ясный соколъ
И на грозный бой съ врагами
Онъ товарищей сзываетъ:
„Гей ко мнѣ, — кто жадно хочетъ
Не носить цѣпей неволи
И не быть слугой у сильныхъ,
Пресмыкаясь передъ ними, —
Кто носитель жизни новой,
Жизни, вольной, справедливой
Жаждетъ пламенно и жадно
За нее съ врагами биться, —
Въ чьей груди горячей болью
Отзываются страданья
Угнетенныхъ палачами,
Слабыхъ, робкихъ и забитыхъ,
Кто не можетъ равнодушно
Видѣть лицъ голодныхъ братьевъ;
Слышать стоновъ ихъ тяжелыхъ
Кто не можетъ равнодушно —
Гей ко мнѣ! Въ борьбѣ за счастье,
За просторъ широкій неба

Digitized by Google

За тепло, за ласки солнца
Пусть вождемъ я буду вашимъ.
Знаю я, — насъ очень мало
И числомъ нашъ врагъ сильнѣе;
Но за то по силѣ духа
Не сравняться ему съ нами;
Съ этой силой мы титаны,
Передъ этой дивной силой
Никакая сила тѣла
Устоять не можетъ, братья;
Золотымъ ея сіяньемъ
Мглу ночную мы развѣемъ,
И на мѣстѣ царства гнета
Царство правды установимъ.
Царство солнце будетъ нашимъ,
Будетъ нашимъ царство неба, —
Это царство голубого
Безграничнаго простора."

И на кличъ свободной птицы,
На призывъ ея горячій,
Постоять за мать-свободу
Много смѣлыхъ отозвалось.
Словно молотомъ могучимъ
Рѣчь вождя ихъ сердце била,
Разжигая въ нихъ отвагу

Digitized by Google

И ненависть къ тираніи.
И въ побѣду надъ врагами,
Въ торжество надъ мракомъ солнца
Вѣрой полные горячей
Собираются на битву
Смѣльчаки. И скоро, скоро
Злой, жестокій, но трусливый
Врагъ увидитъ предъ собою
Ихъ отважную дружину,
Ихъ могучія колонны.
Скоро громъ раздастся битвы
Смѣлыхъ соколовъ съ тираномъ.
Этотъ день великій близокъ,
Близокъ, братья, день побѣды!

Д. Вольный.

Пѣсня о Буревѣстникѣ.

Надъ сѣдой равниной моря вѣтеръ тучи собираетъ. Между тучами и моремъ гордо рѣетъ Буревѣстникъ, черной молніи подобный.

Digitized by Google

То крыломъ воды касаясь, то стрѣлой взмывая къ тучамъ, онъ кричитъ, — и тучи слышатъ радость въ смѣломъ крикѣ птицы.

Въ этомъ крикѣ — жажда бури! Силу гнѣва, пламя страсти и увѣренность въ побѣдѣ слышатъ тучи въ этомъ крикѣ.

Чайки стонутъ передъ бурей, — стонутъ, мечутся надъ моремъ, и на дно его готовы спрятать ужасъ свой предъ бурей. И гагары тоже стонутъ, — имъ, гагарамъ, недоступно наслажденье битвой жизни: громъ ударовъ ихъ пугаетъ.

Глупый пингвинъ робко прячетъ тѣло жирное въ утесахъ . . . Только гордый Буревѣстникъ рѣетъ смѣло и свободно надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ.

Все мрачнѣй и ниже тучи опускаются надъ моремъ; и поютъ, и плачутъ волны въ высотѣ, на встрѣчу грому.

Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва — стонутъ волны, съ вѣтромъ споря. Вотъ охватываетъ вѣтеръ стаи волнъ объятьемъ крѣпкимъ и бросаетъ ихъ съ размаха въ дикой злобѣ на утесы, разбивая въ пыль и брызги изумрудныя громады.

Digitized by Google

Буревѣстникъ съ крикомъ рѣетъ, черной молніи подобный, какъ стрѣла пронзаетъ тучи, пѣну волнъ крыломъ срываетъ.

Вотъ онъ носится, какъ демонъ, — гордый, черный демонъ бури, — и смѣется, и рыдаетъ . . Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ!

Въ гнѣвѣ грома, — чуткій демонъ, — онъ давно усталость слышитъ, онъ увѣренъ, что не скроютъ тучи солнца, — нѣтъ, не скроютъ!

Вѣтеръ воетъ . . . громъ грохочетъ . . . Синимъ пламенемъ пылаютъ стаи тучъ надъ бездной моря. Море ловитъ стрѣлы молній, и въ своей пучинѣ гаситъ. Точно огненныя змѣи вьются въ морѣ исчезая, отраженья этихъ молній.

Буря! Скоро грянетъ буря!

Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ пророкъ побѣды:

— Пусть сильнѣе грянетъ буря! . . .

М. Горькій

Digitized by Google

Первое Мая.

(Прочтено въ тюрьмѣ, въ общей камерѣ.)

Братья-товарищи! Праздникъ весны,
Свѣтлый нашъ праздникъ свободы
Празднуемъ здѣсь, и веселья полны
Эти тюремные своды!
Братья-товарищи! Въ этихъ стѣнахъ
Мы по-неволѣ собрались, —
Только безсиленъ надъ нами нашъ врагъ . . .
Братья на волѣ остались!
И, что ни годъ, все растетъ наша рать,
Крѣпнутъ и множатся силы . . .
Сладко за правое дѣло стоять,
Знамя нести до могилы!
Братья, вотъ знамя святое труда,
Красное знамя свободы!
Близокъ ужъ часъ долгожданный когда
Встанутъ подъ нимъ всѣ народы!
Съ гнѣтомъ-безправіемъ наша борьба
Кровью не разъ отмѣчалась.
Нашихъ героевъ-страдальцевъ судьба
Всѣмъ намъ примѣромъ осталась.

Digitized by Google

Братья-товарищи! Каждый изъ насъ
Пусть въ этотъ часъ вспоминаетъ
Всѣхъ, въ комъ огонь боевой не погасъ,
Всѣхъ, кто за правду страдаетъ,
Всѣхъ, кто въ безстрашной и славной борьбѣ,
Съ племенемъ мщенья въ груди,
Не поддаваясь жестокой судьбѣ,
Волю прозрѣлъ впереди!
Душно, намъ душно въ тюремныхъ стѣнахъ
Хочется радостной доли!
Пусть эти стѣны разрушатся въ прахъ:
Воли намъ! Воли намъ! Воли!

Первое Мая.

Праздникъ свѣтлый и свободный.
Славься, первый майскій день!
Нашъ союзъ международный
Новымъ блескомъ ты одѣнь.
Ужъ прошелъ и годъ десятый,
Съ той поры, какъ цѣлый свѣтъ
Облетѣлъ призывъ крылатый:
Въ этотъ день работы нѣтъ!

Digitized by Google

Пусть же мчится въ общемъ хорѣ
Міровому гимну вслѣдъ
Черезъ горы, черезъ море
Нашъ торжественный отвѣтъ!
Надъ Ураломъ и Кавказомъ
Надъ Невой и надъ Днѣпромъ
Пусть нашъ откликъ грянетъ разомъ,
Какъ весенній первый громъ!

Наша жизнь идетъ въ неволѣ,
Наша родина — тюрьма,
Нѣтъ позорнѣй нашей доли,
Нѣтъ ужаснѣе ярма.
Встаньте, встаньте ратью смѣлой!
Силу далъ намъ бодрый трудъ.
Словно ленъ перегорѣлый.
Наши цѣпи упадутъ.

Развѣ даромъ такъ упорно
Напрягается рука
У пылающаго горна
И жужжащаго станка?
Пусть изъ горна это пламя
Хлынетъ вонъ живымъ ключемъ,
И освѣтитъ, словно знамя,
Цѣлый міръ своимъ лучемъ.

Digitized by Google

Нашъ хозяинъ, тароватый
На увертливую ложь,
Соблазняетъ насъ приплатой,
Посуливъ намъ лишній грошъ . . .
На посулъ его лукавый
Мы дадимъ одинъ отвѣтъ:
Славься, праздникъ величавый!
Въ этотъ день работы нѣтъ!

За хозяиномъ жандармы
Торопливо бьютъ въ набатъ
И выводятъ изъ казармы
Противъ насъ ряды солдатъ.
Насъ угроза не принудитъ,
Нашъ отвѣтъ готовъ давно:
Въ этотъ день труда не будетъ,
Мы рѣшили заодно.

Встаньте, братья, бодрой ратью!
Всѣ въ ряды . . . Плечо съ плечомъ! . . .
Только дружно встать намъ нужно:
Каждый врагъ намъ нипочемъ.
Надъ Ураломъ и Кавказомъ,
Надъ Невой и надъ Днѣпромъ
Пусть нашъ голосъ грянетъ разомъ
Какъ весенній первый громъ! . . .

Digitized by Google

Демонстрація.

Знамя красное ужъ вьется,
Выше, братцы, поднимайте!
Кличъ призывный раздается:
Эй, тѣснѣй ряды смыкаете!

И по улицамъ широкимъ,
Какъ волна могучихъ водъ,
Мы пройдемъ живымъ потокомъ
Все смѣлѣе, все впередъ!

Возвѣстимъ всему народу
Пѣсней звонкою своею
Мы глядущую свободу,
Зорю новыхъ, свѣтлыхъ дней.

Дней безъ слезъ и безъ страданій,
Безъ господъ и безъ рабовъ;
Дней, когда взамѣнъ терзаній,
Будетъ братство и любовь.

Гряньте-жъ, братцы, удалую
Пѣсню громче, веселѣй,
Чтобъ она всю Русь святую
Взбудоражила скорѣй! . . .

Digitized by Google

Чтобъ народъ весь угнетенный,
Сбросивъ гнетъ своихъ оковъ,
Вдругъ явился возбужденный,
На горячій братскій зовъ.

И исполненъ силъ кипучихъ,
Словно сказочный герой,
Онъ тряхнетъ своей могучей,
Богатырскою главой.

Онъ тряхнетъ — и разомъ грохнетъ
Тронъ державнаго царя,
И надъ Русью ярко вспыхнетъ
Славной волюшки заря.

Рядовой.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

40. Запрещенн. стихотворенія (Verbotene Gedichte) 1,20 Мар.
41. Софія Перовская (Perowskaja) . . . . . 1,20 „
42. **Л. Н. Толстой**, Къ рабоч. нар. (Tolstoi, An d. arbeit. Volk) 1,50 „
43. Политическая безпринципность С. Ю. Витте (Politische Prinzipienlosigkeit Witte's) . . . . . 2,— „
44. **А. Герценъ**, Заговоръ 1825 года (Verschwörung) . . —,80 „
45. **К. Марксъ**, Гражданская война во Франціи (Der Bürgerkrieg in Frankreich) . . . . . 2,— „
46. Какъ царь Ахреянъ ходилъ Богу жаловаться (Wie der Zar zu Gott klagte) . . . . . —,80 „
47. **Л. Н. Толстой**, Противъ войны (Gegen den Krieg) . 1,— „
48. Третье отдѣленіе (Die dritte Abteilung) . . . . —,60 „
49. Отъ розги къ желт. билету (V. d. Peitsche z. gelb. Billet) 1,20 „
50. **А. Амфитеатровъ**, Господа Обмановы II (Obmanow II) 1,— „
51. Шутки самодержавной бюрократіи (Komik) . . . 1,— „
52. Очередной вопросъ революціоннаго дѣла (Eine aktuelle Frage der Revolution) . . . . . 1,50 „
53. Константинъ Константиновичъ (Konstantin Konstantinowitsch) . . . . . 1,— „
54. **Д-ръ Эльцбахеръ**, Анархизмъ (Anarchismus) . . . 2,— „
55. **Л. Н. Толстой**, Возстановленіе ада (Aufersteh. der Hölle) 1,20 „
56. —, Обращеніе къ духовенству (Geistlichkeit) . . 1,20 „
57. Саратовская демонстрація (Saratower Demonstrat.) 1,50 „
58. Шутки русской жизни (Anekdoten) . . . . . 1,— „
59. Подъ розгой (Unter der Knute) . . . . . 1,— „
60. Горе Натальи (Nataliens Unglück) . . . . . 1,— „
61. Радостное извѣстіе (Eine glückliche Nachricht) . . 1,— „
62. Похожденія русскаго духовенства (Das Treiben der russischen Geistlichkeit) . . . . . 1,50 „
63. Ненастоящая тюрьма (Das Gefängnis) . . . . . 1,20 „
64. Всходы (Neue Triebe) . . . . . 1,75 „
65. Записки князя Трубецкаго (Trubezki Memoiren) . 1,50 „
66. Спорное дѣло (Ein streitiger Punkt) . . . . . 1,— „
67. **Д-ръ Лео**, Почему и какъ мы приближ. къ анархіи (Anarchismus) . . . . . 2,— „
68. **Н. Щедринъ**, Какъ высѣкли дѣйствительн. статск. совѣтника (Staatsrat) . . . . . 1,60 „
69. —, Три сказки для дѣтей (Drei Geschichten) . . 1,20 „
70. **И. С. Тургеневъ**, Попъ (Der Pope) . . . . . 1,— „
71. **М. Горькій, Вл. Короленко, Л. Н. Толстой**, Запрещенные очерки (Drei verbotene Erzählungen) . . . . 1,60 „
72. **Н. Щедринъ**, Новыя сказки для дѣтей (Drei Märchen) 1,60 „
73. **Л. Н. Толстой**, Къ политическимъ дѣятелямъ (Politiker) 1,— „
74. **М. А. Бакунинъ**, Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ землямъ (An die slavischen Länder) . 1,20 „
75. **М. Горькій**, Протестъ, **Л. Н. Толстой**, Письма по поводу Кишинева, **В. Короленко**, Домъ № 13 (Kischinew) 1,50 „
76. ***, Новыя революціонныя стихотворенія (Neue revolutionäre Gedichte) . . . . . 1,20 „
77. **М. Горькій, Л. Н. Толстой, Н. Щедринъ**, Три революціонныя сатиры (Drei Satyren) . . . . . 1,20 „
78. **Н. Щедринъ**, Развеселое житье (Fröhliches Leben) . 1,80 „
79. —, Письма къ тетенькѣ (Briefe an die Tante) . . 1,20 „

Digitized by Google

80. **А. К. Толстой**, Сонъ Статск. Сов. Попова (Der Traum)	1,—	Мар.
81. Народная воля (Der Volkswille)	1,60	„
82. Земля и воля (Land und Freiheit)	2,50	„
83. **М. А. Бакунинъ**, Всесвѣтный революціонный союзъ соціальной демократіи (Bakunin, Die Allianz)	2,—	„
84. **А. К. Толстой**, Бунтъ въ Ватиканѣ (Tolstoi, Aufstand)	1,—	„
85. Народная воля (Der Volkswille III)	1,60	„
87. Унтеръ-офицеръ (Unteroffizier)	1,50	„
88. Сказаніе о несправедл. царѣ (Vom ungerecht. Zaren)	2,—	„
90. **Л. Н. Толстой**, Государство и Церковь (Staat u. Kirche)	1,—	„
91. **А. Герценъ**, Отрывки изъ „Былого и Думъ" (Gedanken)	1,60	„
92. **А. С. Пушкинъ**, Гавріліада (Gabriliade)	1,—	„
93. Воспоминанія русск. революціонер. (Erinnerungen)	2,—	„
94. **Н. Г. Чернышевскій**, Научились ли? (Haben wir es gelernt?)	1,—	„
95. **Шевченко**, Марія (Marie)	1,—	„
96. **Ж. Кенанъ**, Жизнь политическихъ арестантовъ въ русск. тюрьм. (Das Leben d. politischen Gefangenen)	1,60	„
97. За вѣру, царя и отечество (Für Zar und Glauben)	2,—	„
98. **М. Бакунинъ**, Воззваніе къ славян. (Aufruf a. d. Slaven)	1,50	„
99. **А. С. Пушкинъ**, Царь Никита (Zar Nikita)	1,—	„
100. **А. Герценъ**, Михаилъ Бакунинъ и польское дѣло (M. Bakunin und der polnische Aufstand)	1,20	„
101. **В. Короленко**, Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ (Erinnerungen an Tschernischewsky)	1,50	„
102. Высочайшіе амуры (Allerhöchste Liebschaften)	1,—	„
103. **М. Бакунинъ**, Рѣчи на конгрессѣ Лиги Мира и Свободы (M. Bakunin, Reden)	1,50	„
104. Липочка-Поповна (Lipotschka)	2,—	„
105. **П. Алексѣевъ**, Богдиханъ Никуланъ-сю (Nikolang-Sju)	1,50	„
106. Конституція графа Лорисъ-Меликова (Konstitution)	2,—	„
107. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости (Das Leben in der Schlüsselburger Festung)	3,—	„
108. Война 1904 года (Der Krieg 1904)	3,—	„
109. **Кн. Г. Волконскій**, Записка (G. Wolkonsky, Memoiren)	3,—	„
110. Первый юбилей Николая II (Nikolaus der Zweite)	1,50	„
111. **Л. Н. Толстой**, Объ общественномъ движеніи въ Россіи (Zur sozialen Bewegung in Russland)	1,—	„
112. Фавориты Екатерины II (D. Favoriten Katharina II)	1,50	„
113. **М. Маньковскій**, Сорокъ дней передъ казнями (Vierzig Tage vor der Todesstrafe)	1,60	„
114. **В. Д. Коргановъ**, Русская революція (Russ. Revolution)	1,—	„
115. **Л. Н. Толстой**, Конецъ вѣка (Ende des Jahrhunderts)	2,—	„
116. **Н. К. Михайловскій**, Воспоминанія (Memoiren)	1,—	„
117. **Г. Гершуни**, Разрушенный валъ (Der zerstörte Wall)	1,—	„
118. Священникъ Гапонъ (Der Pope Gapon)	1,50	„
119. Тайн. документы вост. политики (Geheimdokumente)	1,20	„
120. **А. Мошинскій**, Въ огнѣ (Im Feuer)	3,50	„
121. **М. И. Грантъ**, Продѣлки Графа Витте (D. Scheim Witte)	1,—	„
122. **Н. К. Михайловскій**, Революц. статьи (Revolut. Artikel)	1,20	„
123. Передъ разсвѣтомъ (Vor Sonnenaufgang)	1,—	„
124. Александръ III и конститт. (Alexander III u. d. Konst.)	1,—	„
125. Мститель (Der Rächer)	1,—	„

Digitized by Google

Digitized by Google

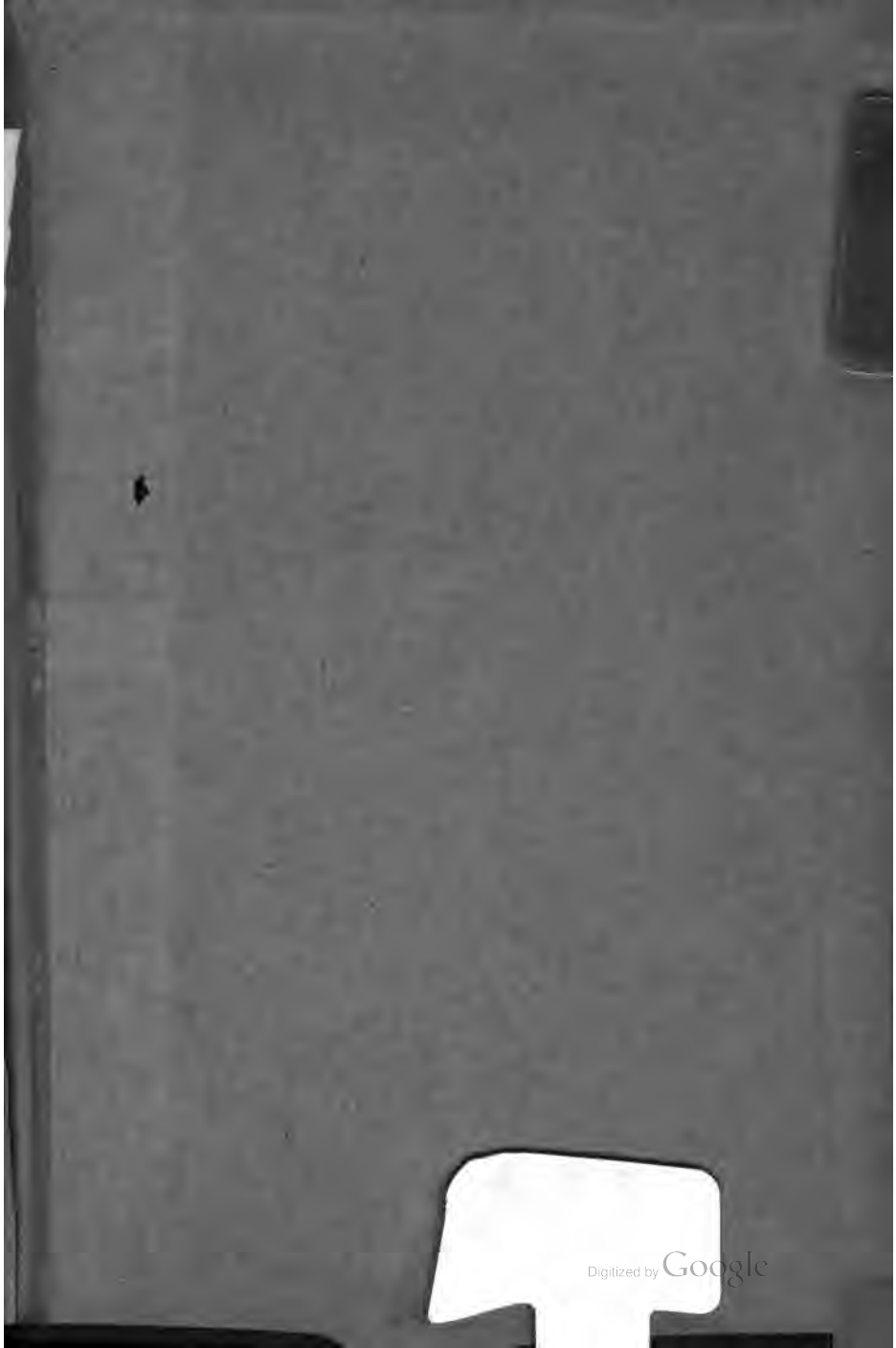
Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be taken from the Building

Digitized by Google


Digitized by Google

Digitized by Google